

Джихад на экспорт? Северокавказское подполье и Сирия

Доклад № 238 (Европа) | 16 марта 2016

Перевод с английского языка

Содержание

Краткое содержание	i
Рекомендации.....	iv
I. Введение	1
II. Провал регионального джихада, или Как Сирия перехватила повестку	4
А. «В тысячу раз сложнее, чем в Сирии»	6
В. От регионального джихада к глобальному	7
С. Джихадисты или новые мухаджиры?.....	9
D. Сирия, Ирак и выходцы с Северного Кавказа	13
III. Силовой ответ российского государства	17
А. Контроль за оттоком: до и после сочинской Олимпиады	17
В. Подавление салафитской активности и давление на мечети	20
IV. Почему ИГ?	26
А. Религиозная утопия.....	26
В. Эффективное исламское управление	29
С. Социальная поддержка и месть	30
D. Эффективная пропаганда	32
V. Профилактика и дерадикализация.....	34
VI. Заключение	40
ПРИЛОЖЕНИЯ	
А. Карта Северного Кавказа и части Ближнего Востока	41
В. О Международной кризисной группе.....	42
С. Доклады и брифинги по Европе и Центральной Азии с 2013 г	43
D. Правление Международной кризисной группы.....	44

Краткое содержание

В последние два года на Северном Кавказе, где на протяжении двух десятилетий идет затяжной вооруженный конфликт, отмечалось резкое снижение насилия. Это частично объясняется тем, что большинство радикалов из региона примкнули к вооруженным группировкам в Ираке и Сирии.

К июню 2015 года большинство групп северокавказского подполья присягнуло на верность Исламскому государству (ИГ, организация запрещена в РФ), позже получив статус его новой «провинции» – «Виляята Кавказ». Однако некоторые малочисленные группировки в Дагестане и Кабардино-Балкарии сохраняют верность региональной джихадистской организации «Имарат Кавказ» (ИК, организация запрещена в РФ), хотя база их поддержки и операционные возможности сведены до минимума. Россия и ИГ находятся в состоянии прямого конфликта друг с другом: российские силовики заявили, что в 2015 году они предотвратили несколько инспирированных ИГ терактов; ИГ не раз угрожало нанести удар по России и взяло на себя ответственность за уничтожение самолета над Синайской пустыней 31 октября, когда погибли 224 россиянина, возвращавшихся из Египта, и за два теракта в южном Дагестане. Наряду с защитой национальной безопасности России необходимо безотлагательно приложить усилия для достижения подлинной дерадикализации, и эффективнее разрешать накопившееся легитимное недовольство жителей Северного Кавказа, систематически работать над преодолением первопричин насилия в регионе.

Условия для тех, кто ведет вооруженный джихад на Северном Кавказе, качественно изменились в период подготовки к Олимпиаде-2014 в Сочи. Российские силовые структуры разгромили и парализовали деятельность ИК, почти лишив его возможности осуществлять операции и коммуникацию, в то время как то, что ИГ называет своим «пятизвездным джихадом» набирало популярность. К нему подключились сотни жителей региона и выходцев с Северного Кавказа в европейских и ближневосточных диаспорах. В результате экспорта джихада с Северного Кавказа на Ближний Восток у России появились новые враги, а конфликт из регионального превратился в глобальный.

Накануне Олимпиады, когда в России началось активное наступление на салафизм, Турция стала популярным направлением как для российских джихадистов, использовавших ее для транзита в Сирию, так и для мирных консервативных мусульманских семей, которые сделали эту страну своим новым домом. «Новые мухаджиры» (иммигранты) из России образовали тесно связанные, почти самодостаточные общины, в основном в Стамбуле и его пригородах. До тех пор пока в 2015 году в Турции не произошли инспирированные ИГ теракты, власти не сильно беспокоили ни тех, ни других. Русскоговорящие представители ИГ, которые помогали новоприбывшим пересечь сирийскую границу, могли спокойно осуществлять свою деятельность. Несколько высокопоставленных представителей и идеологов ИК, которые переправляют людей в группировки, не относящиеся к ИГ, по сообщениям, также оперируют на территории Турции. Кроме того, с 2003 года в Турции были убиты восемь человек, связанных с чеченским подпольем (последний из них – в 2015 году); по неко-

торым данным, лицами, действовавшими по заданию российской Федеральной службы безопасности (ФСБ). Власти Турции заявляют, что часто у них нет достаточных доказательств, которые позволили бы более решительно, но в рамках закона пресекать подобную деятельность. Тем не менее, с недавних пор они существенно усилили меры безопасности.

Выходцы с Северного Кавказа воюют в Ираке и Сирии не только на стороне ИГ, но и на стороне «Джабхат ан-Нусры» (организация запрещена в РФ), а также в независимых группах, не аффилированных ни с одной из этих организаций; обычно под командованием чеченцев. Благодаря своей репутации бесстрашных бойцов чеченцы быстро продвигаются до уровня командиров небольших групп либо занимают позиции второго-третьего уровня в ИГ. Самым высокопоставленным выходцем с Северного Кавказа в ИГ является Абу Омар Шишани, по сообщениям, недавно тяжело раненый или убитый в ходе американских бомбардировок. По имеющейся информации, его военные успехи, особенно лидирующая роль в захвате иракской провинции Анбар и части восточной Сирии, помогли Абу Бакру аль-Багдади провозгласить халифат. Также Умар Шишани смог добиться того, чтобы противостояние с Россией стало важным пунктом повестки ИГ. Стремясь укрепить свое положение в ИГ, Шишани и его амбициозный соратник, пропагандист из Карачаево-Черкесии Абу Джихад, в 2014 году приступили к кооптированию северокавказского подполья. Итогом стал почти всеобщий переход северокавказских боевиков в ИГ.

Утверждается, что накануне Олимпиады российские силовые структуры открыли границы для местных радикалов, чтобы дать им возможность выехать за пределы Северного Кавказа, хотя одновременно власти криминализовали участие в вооруженных формированиях за рубежом «в целях, противоречащих интересам Российской Федерации». Однако со второго полугодия 2014 года власти сократили отток, начав охоту как на вербовщиков и сборщиков средств для ИГ, так и на потенциальных боевиков. Вместе с тем усилилось давление на законопослушных салафитов, особенно в Дагестане. В Чечне политика в отношении салафитов традиционно еще жестче. МВД Чечни регулярно проводит кампании против них. По сообщениям, в 2015 году многих задержали, в конце года несколько человек исчезли. Глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров ведет неконфронтационную политику: он не позволил официальному духовенству захватить главную салафитскую мечеть в Насыр-Корте и пытается консолидировать верующих республики. В Кабардино-Балкарии фундаменталисты тоже не жалуются на систематические притеснения со стороны силовиков.

По мнению многих северокавказских салафитов, основной мотивацией выходцев из региона отправиться на вооруженный джихад в Сирию являются религиозные убеждения. Непосредственно религиозный контекст подкрепляется глубоким недовольством, которое подталкивает к радикализации: неразрешенные конфликты, неподотчетное и непрозрачное государственное управление, неудовлетворительные социально-экономические условия, а также глубокое чувство несправедливости и отчужденности. ИГ предлагает сторонникам вооруженного джихада на Кавказе альтернативу суицидальной борьбе у себя дома и делает отъезд с целью выполнения своих религиозных обязательств еще более убедительным. Представляя себя эгалитарным социальным государством, ИГ выделяет квартиры и денежные пособия семьям боевиков и

предлагает возможность карьерного роста по заслугам, а также публичной ме-
сти за то, что воспринимается ими как унижение мусульман во всем мире.

Для того чтобы остановить поступление серьезного подкрепления ИГ со
стороны Северного Кавказа, России необходимо выработать стратегию дера-
дикализации, объединив интеллектуальные ресурсы из разных областей и
дисциплин, включая экспертов по региону, непредубежденных сотрудников
силовых структур, работников образования и умеренных религиозных лиде-
ров. Законопослушные фундаменталистские лидеры могут значительно по-
влиять на молодежь. Кроме того, важно создание контролируемых, но без-
опасных каналов возвращения к мирной жизни и программ, направленных на
предотвращение радикализации в тюрьмах. Пожалуй, самым мощным оружи-
ем против вербовщиков могут стать личные истории тех, кто, разочаровав-
шись, вернулся из Сирии и Ирака.

Рекомендации

Для искоренения первопричин радикализации

Правительству Российской Федерации:

1. Признать, что радикализации способствуют неразрешенные конфликты, накопленные противоречия и ограниченные возможности для развития региона. Активно устранять эти факторы путем введения более демократических процедур и установления верховенства права, обеспечения разумной децентрализации, социально-экономического развития и занятости молодежи, улучшения качества государственных услуг, особенно образования.
2. Способствовать трансформации религиозного конфликта между приверженцами традиционного ислама и фундаменталистами, для чего способствовать диалогу между суфиями и салафитами в Дагестане, Чечне и Ингушетии и прикладывать дополнительные усилия по интеграции законопослушных салафитских общин в жизнь остальной части общества по всему Северному Кавказу.
3. Повысить качество работы следственных органов, поддерживать усилия по выявлению коррупции и экономических преступлений и привлечению к ответственности за них; одновременно положить конец безнаказанности правоохранителей и систематически эффективно расследовать заявления о серьезных нарушениях прав человека.
4. При формировании молодежной политики на Северном Кавказе больше внимания уделять досугу молодежи, поощрять самореализацию; выработать продуманные и тонкие методы противодействия радикальному влиянию из-за рубежа.

Для предотвращения дальнейшей радикализации

Правительству Российской Федерации:

5. Усилить способность следственных органов справедливо и в рамках закона привлекать к ответственности джихадистов, возвращающихся с Ближнего Востока; поощрять их добровольный вклад в антиэкстремистскую пропаганду более мягкими приговорами.
6. Отделять законопослушных фундаменталистов от тех, кто практикует насилие; сфокусировав силовые меры на последних; прекратить репрессии в отношении законопослушных салафитов, особенно в Чечне; бороться с дискриминационной риторикой и практикой преследования людей за их религиозные убеждения.

Министерству внутренних дел Республики Дагестан:

7. Отказаться от дискриминационных практик в отношении законопослушных салафитов, в том числе постановки их на профилактический учет как экстремистов и незаконных задержаний, ограничений свободы передвижения, обысков и взятия крови и слюны на анализ (иначе как в рамках уголовного дела).

8. Прекратить давление на салафитские мечети и их закрытие и не производить его иначе, как по решению суда, основанному на объективном расследовании.

Содействие дерадикализации

Национальному антитеррористическому комитету:

9. Развивать мягкие методы противодействия вооруженному подполью, включая создание программ выхода для радикалов, не совершивших тяжких преступлений, которые хотят вернуться из Сирии и Ирака.
10. Возродить и усилить мандаты республиканских комиссий по адаптации боевиков, чтобы они могли работать с возвращающимися джихадистами; более конструктивно привлекать к сотрудничеству их родственников и лидеров умеренных фундаменталистов в рамках общих усилий по идеологическому противодействию вооруженному джихадизму.

Правительству Российской Федерации:

11. Создать исследовательскую группу по дерадикализации с участием независимых экспертов, представителей правоохранительных органов и силовых структур, преподавателей, журналистов и религиозных лидеров, включая законопослушных салафитов; поручить ей выработку методики и правительственной программы по дерадикализации джихадистов.
12. Изучить возможность создания федеральной программы по дерадикализации экстремистски настроенной молодежи, адаптации бывших джихадистов, а также по предотвращению радикализации в тюрьмах. Усилить сотрудничество и обмен информацией с Европейскими странами, включая Турцию.

Брюссель, 16 марта 2016 г.

Джихад на экспорт? Северокавказское подполье и Сирия

I. Введение¹

На протяжении двух десятилетий конфликт на Северном Кавказе оставался одним из самых кровопролитных в Европе. Две чеченские войны унесли десятки тысяч жизней жителей республики, российских военных и мирных жителей России за пределами региона. Антироссийское подполье, возникшее в середине 1990-х годов как часть чеченского сепаратистского движения, к 2007 году превратилось в региональный джихадистский проект. Имарат Кавказ (ИК), провозглашенный его тогдашним лидером Доку Умаровым и идеологически связанный с «Аль-Каидой» (организация запрещена в РФ), был признан террористической организацией в России, США и Европейском Союзе (ЕС). В его задачи входит создание основанного на шариате (законах ислама) исламистского государства на всем Северном Кавказе. Состоящий из пяти вилайатов (провинций): Дагестан, Нохчийчо (Чечня), Галгайче (Ингушетия и Осетия), КБК (Кабарда – Балкария – Карачай), и Ногайская степь, он укоренен в местных конфликтах и неразрешенных проблемах региона, несмотря на присутствие определенного иностранного влияния.

С начала второй чеченской войны в 1999 году боевики осуществили более 75 крупных терактов на гражданских объектах в российских городах (последние из них случились в 2013 году²), не считая сотен нападений на сотрудников силовых структур и официальных религиозных и политических лидеров на Северном Кавказе³. С 2009 года центр насилия сместился из Чечни в Дагестан, который с 2010 по 2012 год был полномасштабной горячей точкой, где ежедневно происходили нападения⁴. В 2014 году, однако, градус насилия заметно снизился: количество жертв сократилось на 46 %, что одни эксперты связыва-

¹ Этот доклад следует за опубликованным 14 марта 2016 года специальным докладом Кризисной группы «Эксплуатируя хаос: Аль-Каида и “Исламское государство”», открывшим проект КГ по более широкому освещению проблем насильственного экстремизма и современных конфликтов.

² 29 декабря 2013 года смертник взорвал себя на железнодорожном вокзале в Волгограде, убив 18 и ранив 44 человек. На следующий день еще один смертник совершил самоподрыв в волгоградском троллейбусе, убив 10 человек. «Террористические акты, совершенные террористами-смертниками на территории РФ», Кавказский узел, 17 декабря 2015 г.

³ «Россия: Хроника террора», Кавказский узел, 17 декабря 2015 г. С 2000 года подполье организовало как минимум 83 подрыва смертников на Северном Кавказе, в результате которых погибли не менее 1325 человека и были ранены еще 3293. «Террористические акты, совершенные террористами-смертниками на территории РФ», Кавказский узел, 17 декабря 2015 г.

⁴ Доклад Кризисной группы №221 (Европа), «Северный Кавказ: сложности интеграции (II): исламский фактор, вооруженное подполье и борьба с ним», 19 октября 2012 г. Олег Орлов, Екатерина Сокирянская, «Новый курс Магомедова? Причины гражданского противостояния, ситуация с правами человека и попытки консолидации общества в Республике Дагестан. Март 2010 – март 2011», Москва, «Звенья», 2012 г.

ют в основном с действиями силовиков, а другие – с массовым отъездом боевиков в Ирак и Сирию. В 2015 году произошло сокращение еще на 51 %⁵.

Государственные силовые структуры продолжают бороться с подпольем жесткими силовыми мерами, в то время как среди радикалов региона набирает популярность джихад на Ближнем Востоке. Командиры подполья 21 июня 2015 года выступили с совместным обращением, в котором заявили, что все вилайаты ИК присягнули на верность лидеру Исламского государства – Абу Бакру аль-Багдади. Разворот в сторону ИГ начался в конце 2014 года, когда ему присягнули две дагестанские вооруженные группировки, включая амира Рустама Асельдерова⁶. Тогдашний лидер ИК Алиасхаб Кебеков (Али Абу Мухаммад) сместил и заменил Асельдерова и четко подтвердил связь ИК с «Аль-Каидой», запретив своим сторонникам контакты с ИГ. После того, как в апреле 2015 года силовики убили Кебекова, тенденции в поддержку ИГ укрепились. Самый сильный полевой командир ИК амир Чечни Аслан Бютукаев присягнул лидеру аль-Багдади от имени боевиков Чечни, и остальные последовали его примеру. В июне ИГ приняло присягу кавказских моджахедов и объявило о создании новой провинции, Вилайата Кавказ, с Асельдеровым в качестве амира⁷.

Верность тому, что осталось от ИК, сохранили несколько малочисленных дагестанских группировок, а также большая часть вилайатов КБК и Ногайская степь. Считается, что Роберт Занкишиев – один из джихадистов, который присягнул ИГ от имени кабардино-балкарского подполья и был убит силовиками в ноябре 2015 года, представлял лишь собственную малочисленную группировку и переметнулся, надеясь на финансовую и политическую поддержку ИГ в борьбе за лидерство с признанным амиром КБК Залимом Шебзуховым. Полагают, что небольшой вилайат Ногайская степь воздерживается от присяги ИГ, чтобы тихо переждать фитну (смуту)⁸.

ИГ неоднократно угрожало российским и северокавказским властям. Так, 3 сентября 2014 года оно выложило видео с угрозами начать войну на Северном Кавказе. Позже в том же месяце одиозный полевой командир Абу Омар Шишани (широко известный как Умар Шишани) пообещал награду в размере 5 млн. долларов за убийство чеченского лидера Рамзана Кадырова и меньшие

⁵ Кавказский узел, 5 февраля 2016 г. Сюда входят все жертвы среди гражданских лиц, военнослужащих и боевиков.

⁶ Сначала лидер небольшой Ауховской группы (Хасавюрт) Сулейман Зайланабидов 21 ноября 2014 года, а следом и Асельдеров вместе с амиром Махачкалы Абу Мухаммадом Агачаульским 19 декабря. Асельдеров, аварец из Калмыкии, присоединился к подполью в 2007 году и подозревается в нескольких жестоких преступлениях. Зайланабидов, дагестанский чеченец, по некоторой информации, был в 2014 году задержан в аэропорту Алматы; в момент задержания он был одет в камуфляж, имел при себе портативную радиостанцию и исламистскую литературу. Позже он снова появился на Кавказе. До задержания в Казахстане дагестанские боевики обвиняли его в создании фитны (смуты) в подполье. «В Казахстане задержан уроженец Чечни, предположительно воевавший на Украине», Кавказский узел, 22 октября 2014 г.; «Дагестанского шейха взорвала бывшая актриса», Lenta.ru, 30 августа 2012 г.; «Убитые в Дагестане охотники стали жертвой „кадарского джамаата”», Lenta.ru, 28 февраля 2012 г.

⁷ «„Исламское государство” приняло присягу боевиков Северного Кавказа», Кавказский узел, 24 июня 2015 г.; «Кавказский эмират, раздираемый на части ИГИЛ и „Аль-Каидой”», Inosmi.ru, 3 апреля 2015 г.; «ИГ объявило о присяге всех боевиков Северного Кавказа аль-Багдади», Кавказский узел, 23 июня 2015 г.

⁸ «Политологи: „Имарат Кавказ” в Кабардино-Балкарии не уступил натиску ИГИЛ», Кавказский узел, 12 ноября 2015 г.; интервью Кризисной группы по электронной почте со старшим научным сотрудником МГИМО Ахметом Ярлыкаповым, октябрь 2015 г.

суммы – за убийство девяти его приближенных⁹. После того как Россия 30 сентября 2015 года начала бомбардировки в Сирии, пресс-секретарь движения Абу Мухаммад аль-Аднани объявил ей джихад, а в ноябре ИГ опубликовало видео с нашидом (исламской песней), в котором обещало «скоро, очень скоро» залить Россию «морем крови»¹⁰. За несколько дней до этого ИГ взяло на себя ответственность за гибель 224 россиян на борту самолета, возвращавшегося из Египта¹¹. Национальный антитеррористический комитет в начале 2016 года сообщил, что были выявлены несколько связанных с ИГ группировок, которые смогли попасть на территорию России с целью осуществления терактов¹². Несмотря на то, что в 2015 году джихадистская активность в России сократилась, серьезные вызовы в области безопасности сохраняются. В настоящем докладе рассматриваются идеологические изменения в вооруженном подполье и реакция государства на вызовы, связанные с северокавказским аспектом более широкой международной угрозы, которую представляет собой ИГ. Полевые исследования для доклада проводились с ноября 2015 года по январь 2016 года в Дагестане, Москве, Стамбуле, Анкаре и Лондоне.

⁹ «Pressa Today: один из лидеров „Исламского государства“ объявил награду за убийство Рамзана Кадырова», Кавказский узел, 24 сентября 2015 г.

¹⁰ «ИГИЛ пригрозило России „морем крови“: каких терактов ожидать», МК.ру, 12 ноября 2015 г.

¹¹ “Russia confirms Sinai plane was the work of terrorists” [«Россия подтвердила, что гибель самолета над Синаем была терактом»], The Washington Post, 17 ноября 2005 г.

¹² «НАК сообщил о предотвращении готовившихся ИГ терактов в России», Forbes – Россия, 29 января 2016 г. Помимо террористических организаций, более 40 сирийских боевых отрядов, включая влиятельное исламистское образование «Ахрар аш-Шам», призвали государства региона объединиться против России и Ирана в Сирии. А 53 оппозиционно настроенных саудовских религиозных деятелей призвали к джихаду против сирийских властей, России и Ирана, после того как Россия начала наносить авиаудары по Сирии. “Syrian rebels call for regional alliance against Russia and Iran” [«Сирийские повстанцы призывают к созданию региональной коалиции против России и Ирана»], Reuters, 5 октября 2015 г., Ангус Макдауэл, “Saudi opposition clerics make sectarian call to jihad in Syria” [«Саудовские оппозиционно настроенные священнослужители призвали к джихаду в Сирии»], Reuters, 5 октября 2015 г.

II. Провал регионального джихада, или Как Сирия перехватила повестку

Выходцы с Северного Кавказа воюют в Сирии с самого начала войны. По официальным данным, на территории Сирии и Ирака в боевых действиях участвуют 2900 граждан России. Реальная же цифра может быть намного больше, хотя среди экспертов есть большие расхождения по этому вопросу¹³. По словам руководителя Антитеррористического центра Содружества Независимых Государств (СНГ), в ИГИЛ воюют до 5 тыс. российских граждан¹⁴. По информации из разных официальных источников, среди них может быть около 900 дагестанцев, 105 из которых были убиты¹⁵; 485 чеченцев, из которых 44 вернулись и 104 убиты; 128 выходцев из Кабардино-Балкарии и как минимум 30 – из Ингушетии, 17 из которых убиты, а 6 вернулись на родину и сдались властям¹⁶.

В официальную статистику попадают только те, кого в состоянии отследить силовые структуры. Некоторые независимые эксперты ставят эти данные под сомнение. Один из наблюдателей, например, отмечает, что, согласно официальным цифрам, «сейчас в Сирии находятся 250 чеченских боевиков, что, очевидно, не отражает нынешнюю реальность. Под началом каждого чеченского командира, воюющего сегодня на стороне ИГ, «Фронта ан-Нусра» или других группировок, противостоящих [президенту Сирии] Башару Асаду, вполне может оказаться по 250 чеченских боевиков»¹⁷. До 100 из них могут быть кистинцами – этническими чеченцами, проживающими в Панкисском ущелье Грузии¹⁸; многие другие – выходцы из чеченских диаспор в Европе¹⁹. Сообщалось, что чеченские силовики неофициально признают, что реальные цифры много

¹³ «ФСБ: на Северном Кавказе из 26 лидеров бандгрупп, присягнувших ИГ, нейтрализовано 20», ТАСС, 15 декабря 2015 г. Официальная статистика составляет половину от численности, названной президентом РФ Владимиром Путиным: «На стороне „Исламского государства“ воюют от 5 до 7 тысяч выходцев из СНГ, заявил Владимир Путин», Portal-credo.ru, 16 октября 2015 г.

¹⁴ «До 5 тысяч россиян воюют на стороне „Исламского государства“», Коммерсант, 17 июня 2015 г.

¹⁵ «В Дагестане назвали число примкнувших к ИГ жителей республики», Lenta.ru, 10 декабря 2015 г. Интервью Кризисной группы с источником в силовых структурах, Махачкала, Дагестан, ноябрь 2015 г.

¹⁶ «Кадыров сообщил о почти 500 примкнувших к ИГ чеченцах», Кавказский узел, 22 ноября 2015 г. «СКР насчитал 130 бойцов ДАИШ из Кабардино-Балкарии», Вестник Кавказа, 24 декабря 2014 г. «Евкуров назвал число примкнувших к ИГ жителей Ингушетии», Взгляд, 29 октября 2015 г.

¹⁷ Майрбек Вачагаев, «Russian Intelligence Experiences Setback in Effort to Penetrate Islamic State Network in Syria» [«Российская разведка столкнулась с препятствиями при попытке проникнуть в сеть Исламского государства в Сирии»], The Jamestown Foundation, 10 декабря 2015 г.

¹⁸ Россия регулярно обвиняет Грузию в том, что территория ее Панкисского ущелья, населенного в основном чеченцами, – рассадник терроризма. Грузинские власти отрицают это, признавая, однако, что около 40 человек уехали в ИГ. Власти ввели строгую систему контроля за возвращающимися и предлагают специальные программы занятости и развития для панкисской молодежи, чтобы предотвратить радикализацию. «Russian Foreign Minister Says Daesh [IS] Uses Pankisi Gorge for Training» [«Министр иностранных дел РФ утверждает, что ДАИШ [ИГ] использует Панкисское ущелье как тренировочную базу»], GeorgiaToday, 26 января 2016 г.; «Defence Minister's Special offer to Pankisi Youth» [«Специальное предложение министра обороны для панкисской молодежи»], agenda.ge, 11 января 2016 г.

¹⁹ «Выходцы с Кавказа в рядах ИГ (ИГИЛ)», Кавказский узел, 15 декабря 2015 г.

выше официальных и что на самом деле они не в состоянии эффективно противостоять оттоку²⁰.

С другой стороны, звучат утверждения, что официальные данные, возможно, завышены и что все северокавказские группы в Ираке и Сирии очень многочисленны. Компания SoufanGroup (США), занимающаяся консалтингом в сфере безопасности, полагает, что количество российских граждан, которые воюют на территории обеих стран, с середины 2014 года утроилось – с 800 до 2400 человек²¹. Но в одном все солидарны: отток не прекращается. По словам чеченских должностных лиц, с августа по ноябрь 2015 года к ИГ присоединились еще 100 жителей республики²².

На раннем этапе конфликта многие ехали, собираясь пробыть всего два-три месяца, чтобы выполнить, как они считали, свой религиозный долг. «Они ехали туда, как на хадж», – пояснил брат одного такого молодого человека²³. Многие, разочаровавшись, быстро вернулись домой, особенно после того как обострилась фитна между группировками. Как рассказывал дагестанский адвокат об одном из своих клиентов, «он быстро разочаровался, по его словам, из-за несправедливости, предательства и бессмысленного лишения людей жизни. Ничего общего с религией все это не имело»²⁴.

В 2013 году в статью 208 Уголовного кодекса были внесены поправки, предусматривающие уголовное наказание за участие в вооруженных формированиях за рубежом «в целях, противоречащих интересам Российской Федерации», а в 2014 году соответствующие сроки лишения свободы были увеличены до 10 лет. Силловые структуры начали арестовывать возвращавшихся на границе, возбуждать уголовные дела и, по сведениям от родственников и правозащитных организаций, часто подвергали арестованных жестокому обращению в предварительном заключении²⁵. Возвращение как разочарованных, так и, наоборот, ожесточенных в боях радикалов стало значительно сложнее, поэтому тем, кто собирался ехать в ИГ, пришлось учитывать перспективу невозможности вернуться домой. Несмотря на это, отток продолжился.

Две группы факторов объясняют популярность миграции в Сирию и Ирак. Первая касается изменения условий для вооруженного джихада и мирного салафитского призыва (давата) на Северном Кавказе. Вторая относится к привлекательности ИГ для части радикальной северокавказской исламистской молодежи, идеологической альтернативе, которую оно предлагает, и обещании искоренить первопричины местных и глобальных конфликтов.

²⁰ Интервью Кризисной группы с чеченским экспертом, Москва, ноябрь 2015 г.

²¹ «Эксперты: Количество воюющих за ИГ россиян увеличилось втрое», Росбалт, 9 декабря 2015 г.

²² «Кадыров сообщил», указ. соч.

²³ Интервью Кризисной группы с братом и активистами-салафитами, Дагестан, ноябрь 2015 г.

²⁴ Интервью Кризисной группы с правозащитным адвокатом. Дагестан, ноябрь 2015 г.

²⁵ Например, дела Ахмаева и Гарсултаева (Чечня) и пятерых боевиков из Новосаситли (Дагестан). Интервью Кризисной группы с журналисткой «Новой газеты» и экспертом по Чечне Еленой Милашиной, родственниками боевиков, пострадавшим от пыток в Дагестане, декабрь 2015 г., январь 2016 г.

А. *«В тысячу раз сложнее, чем в Сирии»*

С начала 2013 года джихадистские группировки Северного Кавказа были разгромлены, а на умеренных салафитов начались гонения. Последнее ознаменовало большую перемену после недолгой передышки во время второй половины президентства Дмитрия Медведева. С 2010 года российское правительство и власти Дагестана опробовали новые методы борьбы с экстремизмом, включая мягкие. Подход к салафитам, не призывающим к насилию, был либерализован вначале в Дагестане, а затем в Ингушетии и Карачаево-Черкесии. Их лидеры получили возможность участвовать в общественной жизни, открывать мечети, детские сады, медресе, благотворительные фонды. В Дагестане начался диалог между суфиями и салафитами, призванный преодолеть их глубокие религиозные противоречия. Со стороны суфиев в нем участвовало республиканское Духовное управление мусульман Дагестана (муфтият), а со стороны салафитов – Ассоциация ученых Ахлю-Сунна²⁶. Была создана комиссия по адаптации боевиков при президенте республики, помогавшая в реинтеграции боевиков. В 2012 году количество жертв конфликта в Дагестане сократилось на 15 %, уменьшился отток молодежи в подполье²⁷.

Несмотря на положительные эволюционные процессы, во время подготовки к Олимпиаде в Сочи все мягкие меры были свернуты. Республиканские комиссии по адаптации боевиков прекратили свою работу. Силловые ведомства приложили огромные усилия по подавлению подполья, особенно в Дагестане. Они провели сотни операций, до крайности затруднили передвижение, логистику и коммуникации, ликвидировали многих лидеров и рядовых членов. Они отслеживали боевиков по мобильной связи и в интернете, следили за их женами, внедряли агентов в среду пособников, отправляли боевикам в лес отравленные продукты. Параллельно началось беспрецедентное давление законопослушных салафитов: были закрыты многие мечети, молельные дома, свернуты образовательные инициативы и благотворительные фонды; в мечетях и халяльных кафе производились массовые задержания верующих, начались преследования лидеров²⁸.

ИК был по большей части разгромлен, джихад в регионе стал слишком трудным. По словам одного местного активиста, «уход в подполье – это билет в один конец. В лучшем случае он может надеяться стать амиром сектора и [...] спать на снегу, в грязи»²⁹. Боевики стали очень осторожны во внешних коммуникациях; в каждом вновь прибывшего подозревали агента спецслужб и по нескольким месяцам держали «на карантине», прежде чем принять. Примкнуть к подполью и даже связаться с ним стало очень сложно. По словам пользователя социальной сети, джихад на Кавказе теперь «в 1000 раз тяжелее, чем в Сирии»³⁰.

²⁶ Медведев занимал пост президента РФ с 2008 по 2012 год. Ассоциация ученых Ахлю-Сунна в Дагестане, созданная в 2010 году, включала в себя салафитских религиозных деятелей, которые участвовали в переговорах с властями и суфиями. Муфтият – региональный религиозный орган, связанный с государством. В него на добровольной основе входят мусульманские религиозные учреждения, которые признают авторитет официального духовенства.

²⁷ Доклад Кризисной группы, «Сложности интеграции (II)», указ. соч.

²⁸ Доклад Кризисной группы №226 (Европа) «Северный Кавказ: сложности интеграции (III): государственное управление, выборы, верховенство права», 6 сентября 2013 г.

²⁹ Интервью Кризисной группы с лидером салафитов, Махачкала, ноябрь 2015 г.

³⁰ Мониторинг Кризисной группы джихадистских социальных медиа, ноябрь 2015 г.

В результате разгрома северокавказский джихад перестал «вдохновлять» радикалов. ИК утратил свою харизму, когда стало ясно, что, несмотря на угрозы Докку Умарова, Имарат оказался неспособен сорвать Олимпиаду. Сам Умаров был отравлен в результате спецоперации российских силовых структур за шесть месяцев до Игр в Сочи и умер³¹. Объявив об этом только после Олимпиады в марте 2014 года, ИК избрал нового лидера – Алиасхаба Кебекова. Будучи скорее радикальным исламским клириком, чем боевиком, он строго ограничил методы ведения джихада, запретив самоподрывы смертников, нападения на гражданское население и их дома, а также участие женщин³². Эти ограничения привели к отчуждению более радикальной и криминальной части подполья. Пропагандисты ИГ насмеялись над северокавказскими боевиками за то, что те «едят листья в дагестанской глуши», в то время как они ведут «пятизвездный джихад» в Сирии³³. Сотни человек отправились туда на джихад; в основном – новобранцы, потому что тем, кто уже находился в подполье, было трудно пересечь границу.

В. От регионального джихада к глобальному

Оказавшись под сильным давлением силовиков, дагестанские салафитские лидеры, включая умеренных, не могли продолжать свою деятельность на родине. Многие уехали, в основном в Турцию. ИГ пыталось целенаправленно вербовать влиятельных фигур, харизматических проповедников с социальным капиталом, как на самом Северном Кавказе, так и среди выходцев с Северного Кавказа в Турции. По словам салафитского лидера, «ИГ пыталось создать ощущение, что все сливки нации уже с ними»³⁴. Интеллектуал-салафит, отказавшийся от сотрудничества с ИГ в Стамбуле, подтвердил, что «они систематически охотятся за мозгами»³⁵.

Некоторые лидеры радикализовались и примкнули к ИГ. Одной из самых заметных фигур стал Камиль Султанахмедов (Камиль Абу Султан), который в 2013–2014 годах жил между Турцией и Дагестаном, пока в России против него не возбудили уголовное дело. Пользовавшийся популярностью среди молодежи, он участвовал в диалоге между салафитами и республиканскими властями, часто навещался в Москву, общался с федеральными экспертами, в том числе Национального антитеррористического комитета. «Поначалу он был резко против ИГ, смеялся над ними, а потом начал меняться [...] Он очень эмоциональный и стал жертвой их пропаганды», – рассказал его бывший коллега. Камиль – выходец из вполне состоятельной семьи с юга Дагестана, обладающей неплохими связями. Он учился в ОАЭ и Египте, однако не окончил курс обучения. Амбициозный, но с недостаточным образованием, он решил, что ИГ может стать для него привлекательной альтернативой, после того, как против него завели уголовное дело и он стал невъездным в Дагестан³⁶.

³¹ «Источник: Докку Умарова отравил агент ФСБ», МК.ру, 20 марта 2014 г.

³² Интервью Кризисной группы, Дагестан, Стамбул, декабрь 2015 г.

³³ Джоанна Парашук, “Akhmad Medinsky addresses “VilayatKavkaz” from Baiji” [«Ахмад Мединский обращается к „Вилайяту Кавказ” из Байджи»], www.chechensinsyria.com, 20 июля 2015 г.

³⁴ Интервью Кризисной группы с салафитским лидером, Махачкала, ноябрь 2015 г.

³⁵ Интервью Кризисной группы с мухаджиром из Дагестана, Стамбул, декабрь 2015 г.

³⁶ Наблюдения Кризисной группы, интервью с салафитом, Махачкала, декабрь 2015.

ИГ перетянуло на свою сторону еще двух салафитских звезд: харизматичного Надира Медетова (Надира Абу Халида) и Ахмада Мединского³⁷. Эти прежде не призывавшие к насилию популярные лидеры дагестанских салафитов уехали в 2015 году, после того как заметно радикализировались на родине. И хотя к тому времени умеренная салафитская община дистанцировалась от этих лидеров, многие из их последователей поддержали своих шейхов либо «умом и сердцем», либо физически присоединившись к джихаду в Сирии³⁸.

Другая категория выходцев с Северного Кавказа, которые откликнулись на призыв к джихаду в Сирии, – радикалы, последние годы проживавшие в диаспорах. На протяжении последних десяти лет многие северокавказские салафиты, особенно те, у кого были проблемы с силовыми структурами, переселялись в Турцию и на Ближний Восток, преимущественно в Египет, что было предпочтительнее: дешевле и безопаснее. Салафитский активист пояснил: «В Египте можно с женой прожить на 300 долларов в месяц. Многие ехали туда, чтобы изучать арабский язык и Коран, и там оставались»³⁹. Часть радикализовалась в Египте, часть присоединилась к джихаду из Турции, куда многие переселились после свержения правительства «Братьев-мусульман» (организация запрещена в РФ) в 2013 году⁴⁰.

Большинство новобранцев из диаспор – глубоко религиозные салафиты, когда-то столкнувшиеся с давлением силовых структур на родине. Однако есть среди них ветераны или пособники северокавказского подполья, бежавшие от уголовного преследования либо эмигрировавшие сразу после отбывания непродолжительного наказания. Сирия дала им возможность продолжать вооруженную борьбу, поскольку джихад на Кавказе для них был уже закрыт: по возвращении в Россию они сразу оказались бы за решеткой.

За последние два десятилетия десятки тысяч чеченских беженцев обратились за убежищем в Европе. Насколько известно, некоторые из них присоединились к ИГ, «ан-Нусре» или независимым формированиям. Чеченский активист в Скандинавии объяснил:

«Мотивация чеченцев сильно отличается от всех других: они лезут куда угодно, где есть интересы [президента] Путина и России – на Украину, в Сирию. Я слышу такие разговоры: “Мы сломаем ему два-три пальчика за рубежом, а остальные сами сломаются”. В Сирии чеченцы воюют на собственной незаконченной войне»⁴¹.

Некоторые чеченцы с опытом боевых действий, полученным в ходе войн с Россией, отправились в Сирию после того, как, по сообщениям, их попросили покинуть Украину. В заявлении чеченского батальона, воюющего на стороне Украины, сообщается, что его цель – «победа Украины в этой войне, [которая] будет шагом для освобождения других поработанных Россией народов»⁴². По данным некоторых источников, включая Европол, большинство чеченцев, ко-

³⁷ «Надир абу Халид (Надир Медетов)», Кавказский узел, 26 мая 2015 г.

³⁸ Интервью Кризисной группы с активистами-салафитами, Дагестан, ноябрь 2015 г.

³⁹ Интервью Кризисной группы с активистами-салафитами, Махачкала, ноябрь 2015 г.

⁴⁰ Интервью Кризисной группы с активистами-салафитами, Дагестан, Стамбул, ноябрь-декабрь 2015 г.

⁴¹ Интервью Кризисной группы через Skype, декабрь 2015 г.

⁴² Заявление батальона имени Джохара Дудаева, распространенное в социальных сетях.

которые участвуют в войне в Сирии, приехали из Европы, куда их родители переселились в качестве беженцев⁴³.

Радикализация чеченцев из диаспор в основном связана с трудностями интеграции и отсутствием смысла в жизни в принявших их странах. Чеченский журналист объяснил:

«Они далеко от дома и в Европе себя ощущают гражданами пятого сорта, живут на пособие, заняться им нечем. Общаются с группами себе подобных. Они не интегрируются. И чем дольше живут в диаспоре, тем больше отрываються от реальности на родине и в обществах, где теперь живут. Антироссийские настроения в диаспорах намного сильнее, чем в самой Чечне. Многие пребывают в постоянной депрессии. Они очень подвержены этой депрессии и поэтому уязвимы для радикальной пропаганды».

«Психологические проблемы, изоляция и депрессия способствуют радикализации: ты чувствуешь себя растением, которое никогда не пустит корни на этой земле», – пояснил другой чеченский эксперт⁴⁴. Многие северокавказские боевики в Сирии, особенно приехавшие непосредственно из региона, имеют очень ограниченный жизненный опыт и провинциальные взгляды и представления. Дагестанский мигрант в Стамбуле отметил:

«Волной нас вынесло из России, и благодаря этой сирийской истории наши люди вдруг превратились в глобальных игроков. Они даже не осознали этого. Они не были к этому готовы. И с этим нашим сельским дагестанским менталитетом они стали частью больших глобальных процессов»⁴⁵.

С. *Джихадисты или новые мухаджеры?*

С ноября 2015 года российские власти открыто обвиняют Турцию в поддержке джихадистов. Турецкие должностные лица отрицают эти обвинения, вместе с тем подчеркивая, что не получают адекватной международной поддержки в контроле над потоком едущих через ее территорию иностранных боевиков⁴⁶. Эксперты заговорили о «новых мухаджерах» – мусульманах, которые совершили хиджру (эмиграцию в мусульманскую страну) накануне Олимпиады в Сочи, когда репрессии в отношении салафитов в России привели к их массовому исходу⁴⁷.

Большинство российских мухаджиров приехало в Турцию из Дагестана, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Татарстана и Башкирии, однако есть среди них и этнические русские мусульмане, и консервативные москвичи кавказского происхождения. Одни переехали навсегда, другие перевезли жен и детей, чтобы те могли жить в более комфортных условиях в соответствии со своими религиозными взглядами, а сами курсировали между Россией и Стамбулом, занима-

⁴³ «North Caucasian fighters in Syria and Iraq and Russian language propaganda» [«Северокавказские боевики в Сирии и Ираке и русскоязычная пропаганда»], Европол, 30 сентября 2015 г.

⁴⁴ Интервью Кризисной группы через Skype с журналистом и с экспертом, январь 2016 г.

⁴⁵ Интервью Кризисной группы с мухаджиром из Дагестана, Стамбул, декабрь 2015 г.

⁴⁶ Интервью Кризисной группы с должностными лицами, Анкара, февраль 2016 г.

⁴⁷ Интервью Кризисной группы с главным редактором «Кавказского узла» Григорием Шведовым, Москва, ноябрь 2015 г. «Гумер Исаев о „новых мухаджерах“ в Турции», блог «Кавказского узла», 7 ноября 2015 г.

ьясь малым бизнесом⁴⁸. Этнические русские, принявшие ислам, в основном бежали от преследований на родине. В Турции некоторые из них смогли трудоустроиться или поступить на учебу, получив академические стипендии. «Чеченцев тут немного, а те, что есть, приехали больше десяти лет тому назад», – рассказал один дагестанский мигрант⁴⁹. Более недавние чеченские мигранты в Турции – это либо те, кому отказали в убежище в Европе, либо те, кто знали, что у них мало шансов получить его, и потому даже не стали пытаться⁵⁰.

Трудно сказать, сколько именно российских мусульман за последнее время переехало в Турцию: оценки разнятся от нескольких тысяч до десятков тысяч⁵¹. «Насколько я знаю, полтора года назад в нашем районе было 600 дагестанских семей – списки составлялись для благотворительных целей», – рассказал мигрант с Северного Кавказа в Стамбуле⁵². Большинство северокавказских мухаджиров предпочитает селиться в Стамбуле и его окрестностях, в нескольких консервативных районах, формируя почти самодостаточные русскоговорящие общины. «У нас есть свои водители такси, врачи, учителя. У многих нет полного набора необходимых документов, а значит, и медицинской страховки, поэтому все знают русскоговорящего педиатра в нашем районе. Кроме того, есть школа и детский сад, но дети ходят и в турецкие школы, даже если у родителей нет необходимых документов», – сообщила переселенка с Северного Кавказа, добавив, что свести концы с концами не составляет проблемы:

В Турции хорошо развита система мусульманской благотворительности.

«Даже если захочешь, с голоду тут не умрешь. Как жена мусульманина, который сидит в тюрьме [в России], я получаю 500 лир (около 165 долларов) в месяц. Мне также помогли с этой подержанной мебелью и коврами для дома»⁵³.

Тем не менее, интегрироваться в турецкое общество непросто, отметил живущий в Стамбуле дагестанец:

«Никто не хочет работать официантом в кафе, не каждый пойдет заниматься тяжелым физическим трудом. В Турции действуют очень жесткие ограничения на легальное трудоустройство иностранцев. Начать свой бизнес или заняться торговлей чрезвычайно трудно, а ментальность наших людей такова, что все хотят иметь что-то свое, пусть маленький ларек, но свой. Но какой бы бизнес наши переселенцы ни начинали, он связан с Дагестаном. Часто это мелкая торговля, но поскольку для большинства таких мухаджиров в Дагестане сейчас небезопасно, им не так просто туда-сюда ездить, чтобы контролировать дела»⁵⁴.

⁴⁸ Интервью Кризисной группы с северокавказским журналистом, Стамбул, декабрь 2015 г.

⁴⁹ Интервью Кризисной группы с мухаджиром из Дагестана, Стамбул, декабрь 2015 г.

⁵⁰ Интервью Кризисной группы через Skype с чеченским активистом из Европы, декабрь 2015 г.

⁵¹ «Российские мусульмане в Турции: против Москвы, но не в ИГИЛ», русская служба Би-Би-Си, 18 декабря 2015 г.

⁵² Интервью Кризисной группы с мухаджиром из Дагестана, Стамбул, декабрь 2015 г.

⁵³ Интервью Кризисной группы с мигранткой с Северного Кавказа, Стамбул, декабрь 2015 г.

⁵⁴ Интервью Кризисной группы, Стамбул, декабрь 2015 г.

В последние годы турецкие власти почти не беспокоили салафитские общины с Северного Кавказа, в том числе джихадистов⁵⁵. Северокавказских радикалов, собиравшихся ехать транзитом в Сирию, в Стамбуле обычно встречали представители ИГ, размещали их в транзитных квартирах, затем переправляли в Газиантеп, а оттуда с помощью специальных проводников – через границу. Живущий в Стамбуле эксперт с Северного Кавказа рассказал: «Говорят, что транзит обеспечивали здесь около 50 человек»⁵⁶. По словам другого мухаджир-а, «аресты в Турции обычно проводились очень прицельно; они выжидают, наблюдают и позволяют всем себя проявить. А когда улики достаточно, людей задерживают и дают послушать записи их разговоров, сделанные за месяцы до этого»⁵⁷.

Подход изменился в январе 2015 года после того, как в смертнице, взорвавшей себя в Стамбуле, опознали 18-летнюю беременную женщину из Дагестана. Превентивные задержания салафитов с Северного Кавказа участились. Кризисной группе известен случай задержания дагестанцев, планировавших ехать в Сирию, чтобы присоединиться к ИГ, в стамбульской квартире в августе 2015 года⁵⁸. Турецкие власти также задерживали вербовщиков и тех, кто возвращался:

«Они задержали одного дагестанца, который жил в нашем районе со своими четырьмя женами и даже не думал переселяться в Сирию. А через него много людей уехало к ДАИШ (ИГ) и было переправлено много денег. Некоторые приезжают с деньгами, которые они хотят пожертвовать ИГ, иногда это значительные суммы [...]. Одна семья приехала и привезла 1 млн. рублей (около 28 500 долларов до девальвации рубля). А для этого дагестанца это был просто доходный бизнес [...]. Тут сразу видно, когда люди, приехавшие ни с чем, вдруг начинают разъезжать на дорогих машинах»⁵⁹.

20–21 октября 2015 года по подозрению в связях с ИГ и подготовке взрыва в Анкаре задержали 12 чеченцев и дагестанцев. Накануне саммита Большой двадцатки состоялись новые задержания в Анталье⁶⁰. За день до организованного ИГ подрыва смертника 12 января 2016 года на юге Турции задержали четырех граждан России⁶¹. По данным турецкого Генерального штаба, в 2015 году на территории Турции при попытке примкнуть к ИГ были задержаны 99 российских граждан, что составило десять процентов от всех задержанных⁶².

Насколько известно, важные агенты и идеологи ИК тоже живут в Турции, включая тех, кто организует финансирование ИК и переброску его боевиков в джихадистские группировки, воюющие на территории Сирии не в составе ИГ,

⁵⁵ Интервью Кризисной группы с жителями Стамбула – выходцами с Северного Кавказа, декабрь 2015 г.

⁵⁶ Интервью Кризисной группы с северокавказским экспертом, Стамбул, декабрь 2015 г.

⁵⁷ Интервью Кризисной группы с мигрантом с Северного Кавказа, Стамбул, декабрь 2015 года.

⁵⁸ Интервью Кризисной группы, Стамбул, декабрь 2015 г.

⁵⁹ Интервью Кризисной группы с мухаджиром из Дагестана, Стамбул, декабрь 2015 г.

⁶⁰ «В преддверии G20 в Анталье задержаны 20 предполагаемых членов ИГ», DW.com, 6 ноября 2015 г.

⁶¹ База по задержаниям, связанным с ИГ, в Турции, оставленная Кризисной группой по открытым источникам.

⁶² «Российские мусульмане в Турции», указ. соч.

и обратно⁶³. Утверждается, что самый известный идеолог ИК Мовлади Удугов очень скрытно живет в Стамбуле с 2000 года. По сообщениям, некоторые видные боевики ИК ездили туда лечиться после ранений. Российские власти обвиняют турецкую НПО «Имкандер» в поддержке ИК, что та отвергает, хотя она организовывала акции в поддержку агентов ИК и конференцию в 2012 году, которая приветствовала Докку Умарова⁶⁴.

Более серьезные угрозы безопасности таких фигур исходят из других источников. В октябре 2015 года в районе Стамбула Каяшехир, где проживает много выходцев с Северного Кавказа, был застрелен Абдулвахид Эдилгериев – представитель ИК в Турции. Он стал восьмым связанным с подпольем чеченцем, убитым в Турции с 2003 года. Турецкие следователи подозревают российские спецслужбы. Однако источник в турецких силовых структурах утверждает, что российские спецслужбы для исполнения убийств используют наемных убийц и между исполнителями и заказчиками обычно – три-четыре звена посредников, поэтому почти невозможно доказать связь⁶⁵. По состоянию на начало 2016 года под суд отдан лишь один подозреваемый предполагаемый убийца⁶⁶. Сообщалось, что за убийством и арестами салафитов последовал новый заметный отток выходцев с Северного Кавказа из Турции в Сирию⁶⁷.

Россия обвиняет Турцию в том, что она не занималась сдерживанием не только северокавказских, но и всех суннитских радикалов, воюющих против Асада, пока в самой стране не случились теракты. Как пишут в группе взаимопомощи в Фейсбуке «Депортационные тюрьмы Турции», созданной мигрантами с Северного Кавказа (некоторые из них сами прошли через тюрьмы), задержания время от времени происходили, но до атак в Турции в 2015 году к сторонникам ИГ относились с определенной снисходительностью. Представители турецких властей свою снисходительность отрицают:

«Обычно у нас нет конкретных улик, поэтому мы можем только депортировать, причем основываясь на шатких юридических основаниях. Мы поступаем на свое усмотрение, но если человек захочет оспорить решение, во многих делах он сможет это сделать [...] Люди, связанные с ИГ, хорошо обучены тому, что им надо говорить турецким властям о том, как и почему они попали в Сирию. Они знают, как использовать бреши в законодательстве, из-за чего их трудно задерживать»⁶⁸.

⁶³ Гордон Хан, “REPORT: An Anatomy of North Caucasus-Tied Jihadi Groups in Syria and Iraq” [«ДОКЛАД. Анатомия джихадистских группировок, связанных с Северным Кавказом и действующих в Сирии и Ираке»], Gordonhahn.com, 20 октября 2015 г.

⁶⁴ “Assassinations of Rebel-Connected Chechens Continue in Turkey” [«В Турции продолжаются убийства чеченцев, связанных с мятежниками»], [TheJamestownFoundation](http://TheJamestownFoundation.com), 6 ноября 2015 г. “One of the killers shot at the bodies on the ground, then calmly drove away” [«Один из убийц сделал выстрелы по телам, лежащим на земле, а потом спокойно уехал»], [Independent](http://Independent.com), 8 октября 2011 г. “Murder in Istanbul: Kremlin’s hand suspected in shooting of Chechen” [«Убийство в Стамбуле: в расстреле чеченца подозревают руку Кремля»], [TheGuardian](http://TheGuardian.com), 10 января 2016 г.

⁶⁵ Интервью Кризисной группы, Анкара, январь 2016 г.

⁶⁶ “Murder in Istanbul”, указ. соч. “Assassinations of Rebel-Connected Chechens”, указ. соч.

⁶⁷ Интервью Кризисной группы с активистами-салафитами, Дагестан, Стамбул, ноябрь-декабрь 2015 г.

⁶⁸ Интервью Кризисной группы с турецким должностным лицом, Анкара, январь 2016 г. По словам источника, во всех случаях, когда другие страны, включая Россию, сообщали имена подозреваемых, в Турцию их не впускали.

Как бы то ни было, большинство джихадистов с Северного Кавказа в Ираке и Сирии попали туда через Турцию. «Очень мало людей приехало в Турцию без ясных причин. Многие использовали ее для переправки в Сирию, – сказал журналист с Северного Кавказа. – Кто-то радикализовался позже, но точно так же они могли радикализироваться и у себя дома. При этом огромная община живет мирно, учится и работает; все, кто хотел устроиться на работу, устроились»⁶⁹. Ему вторит дагестанский мухаджир: «Я думаю, проблемы с интеграцией в Турции способствовали радикализации больше чем в 20 % случаев. Большинство уехавших воевать из Турции было предрасположено к радикализму еще до своего приезда сюда»⁷⁰.

Д. Сирия, Ирак и выходцы с Северного Кавказа

Дагестанцы и чеченцы – основные этнические группы среди российских джихадистов в Сирии, однако помимо них там воюют ингуши, черкесы, карачаевцы и балкарцы, крымские татары, башкиры и этнические русские. Конфликт разворачивается на множестве фронтов и на десятках локализованных театров военных действий, где маленькие вооруженные группировки в том числе джихадистов воюют, образуя союзы с более крупными. Такие формирования часто раскалываются и объединяются, отдельные боевики переходят от одного командира к другому. Отслеживать эти изменения и оценивать боевые возможности группировок трудно. Даже будучи частью крупных групп, выходцы с Северного Кавказа предпочитают держаться вместе. Большинство из них говорит только на родном языке и на русском и чувствует себя в изоляции среди арабоязычных товарищей, так что они стараются сформировать собственные маленькие группы или подгруппы⁷¹.

Одним из крупнейших отрядов, в котором когда-либо воевали выходцы с Северного Кавказа, была ныне несуществующая «Джейш-аль-Мухаджирин валь-Ансар» (Армия переселенцев и помощников, ДМА), которую создал и поначалу возглавил этнический чеченец из Панкисского ущелья Грузии Тархан Батирашвили, он же Умар Шишани⁷². О ее создании объявил сайт IK Kavkaz-center, сообщивший, что ДМА объединила под своим крылом 1000 боевиков. ДМА оказала заметную помощь повстанцам и джихадистам в завоевании территорий, в том числе в августе 2013 года при взятии авиабазы Минниг и в других боях в городе Алеппо на севере страны и в его окрестностях⁷³.

⁶⁹ Интервью Кризисной группы с северокавказским журналистом, Стамбул, декабрь 2015 г.

⁷⁰ Интервью Кризисной группы, Стамбул, декабрь 2015 г.

⁷¹ Интервью Кризисной группы с экспертом по Чечне Джоанной Паращук, Лондон, ноябрь 2015 г.

⁷² “Omaral-Shishani, Chechen in Syria, rising star in IS leadership” [«Чеченец в Сирии Омар аш-Шишани – восходящая звезда в руководстве ИГ»], The Christian Science Monitor, 3 июля 2014 г. Шишани был, по сообщениям, серьезно ранен в результате недавней американской авиабомбардировки и, по некоторой информации, позже скончался.

⁷³ “Chechen commander forms ‘Army of Emigrants,’ integrates Syrian groups” [«Чеченский командир формирует „Армию эмигрантов” и объединяет сирийские отряды»], “State Department adds Chechen, Moroccan-led jihadist groups to terrorist list” [«Госдепартамент включил джихадистские группировки под руководством чеченцев и марокканцев в список террористических организаций»], The LongWar Journal, 28 марта 2013 г., 24 сентября 2014 г.; “Syria Special: “Foreign Jihadists” – Who Are Jaish al-Muhajirin al-Ansar?” [«Сирийский эксклюзив:

В 2013 году Умар Шишани примкнул к ИГ, а ДМА распалась⁷⁴. Часть боевиков последовала за Умаром, часть осталась под руководством другого чеченца – Салахуддина Шишани, чья группа вновь раскололась в июне 2015 года, когда Шишани был отстранен от командования в результате борьбы за лидерство и заменен саудовцем. В итоге ДМА примкнула к «Фронту ан-Нусра» «Аль-Каиды» и прекратила свое существование. Большинство выходцев с Северного Кавказа ушли с Салахудином, который объявил подгруппу ДМА «Кавказский эмират в аш-Шаме» независимым джамаатом. Из этой группы в конце 2015 года его снова попросили уйти⁷⁵.

Выходцы с Северного Кавказа воюют и в нескольких других группировках, чаще всего под командованием чеченцев: «Аджнад аль-Кавказ», «Ансар аш-Шам» и более мелких, в том числе в джамаате Тархана Газиева (чеченцы), «Катибат Ахрар» (в нем преобладают представители черкесской диаспоры в Сирии) и «Джунд аш-Шам» (организация запрещена в РФ)⁷⁶. Некоторые чеченцы также воюют отдельно в разных частях Сирии, но их влияние менее заметно. К независимым группировкам примыкают те, кто еще разделяет кавказскую региональную повестку, отвергает жестокость ИГ и прислушивается к словам духовных лидеров «Аль-Каиды».

Северокавказские группировки, поддерживающие, с одной стороны, «ан-Нусру», а с другой – ИГ, сталкиваются как на идеологической почве, так и в бою⁷⁷. По словам ветерана джихада, полевого командира, известного под именем Муслим Шишани, боевики переходят из одной группы в другую: «Поскольку на Кавказе плохо с распространением достоверной информации, молодежь обманывается громким названием “Халифат Исламского государства”. Но они уже начинают видеть реальность. Могу сказать, что множество братьев с Кавказа хотят покинуть ИГ и вернуться в Латакию»⁷⁸.

Активист из Европы выразил мнение, популярное среди чеченцев в диаспоре, поддерживающих сепаратизм на родине:

«Звериная жестокость [ИГ] никогда не была присуща чеченской военной культуре. В ИГ нет влиятельных чеченских полевых командиров, кроме этого так называемого Умара Шишани, который на самом деле этнический грузин – Батирашвили [...] Просто “шишани” – раскрученный бренд, поэтому он его использует. Большинство чеченцев воюют не в ИГ, а в других группировках»⁷⁹.

„иностранцы джихадисты”. Кто такие „Джейш-аль-Мухаджирин валь-Ансар”», EAWorldview, 15 августа 2013 г.

⁷⁴ Эксперты спорят о точной дате его байата (присяги) ИГ. Некоторые источники считают, что это случилось в мае 2013 года, другие – на несколько месяцев позже.

⁷⁵ Интервью Кризисной группы с Джоанной Парашук, Лондон, декабрь 2015 г. Ее блог “FromChechnyatoSyria” [«От Чечни до Сирии»], www.chechensinsyria.com – наиболее полная и глубокая работа по джихадистам с Северного Кавказа в Сирии. Парашук является независимой журналисткой и экспертом по Чечне.

⁷⁶ Там же. Гордон Хан, “REPORT”, указ. соч.

⁷⁷ «Письмо Халида Шишани одному из амиров муджахидов Кавказа», Al-Isnad.com, март 2015 г.

⁷⁸ Перевод интервью турецкой службе телеканала «Аль-Джазира», www.chechensinsyria.com, 26 октября 2015 г.

⁷⁹ Интервью Кризисной группы через Skype с чеченским активистом из Скандинавии, декабрь 2015 г. По имеющимся данным, не считая кистинцев, единичные мусульмане из грузинских Квемо-Картли и Аджарии, имеют связи с ИГ. Подавляющее большинство грузин – православные христиане.

Однако эксперты из самой Чечни утверждают, что Умар Шишани пользуется популярностью среди чеченской радикальной молодежи и на самом деле их ИГ привлекает.

Большинство иностранных боевиков на территории Сирии приезжают туда без боевого опыта. К выходцам с Северного Кавказа, особенно чеченцам, относятся с уважением как к людям, закаленным в боях на протяжении двадцатилетнего противостояния с Россией. На самом же деле большинство из них – новобранцы или выходцы из европейских диаспор без какого-либо боевого опыта. Тем не менее, репутация бесстрашных бойцов помогает им становиться во главе независимых отрядов или быстро продвигаться в иерархии ИГ, часто занимая позиции второго-третьего уровня обычно в силовых структурах.

Согласно источнику из числа бывших джихадистов, многие чеченцы в ИГ работают в амниите – силовых структурах, занимающихся контрразведкой. В тоже время, по имеющейся информации, ФСБ и силовики Рамзана Кадырова пытаются внедриться в ИГ; так недавно ИГ обвинило чеченцев в шпионаже и казнило их⁸⁰. Чеченский эксперт из Европы отметил: «Похоже, что ИГ рассматривает каждого выходца из России как потенциального агента ФСБ. Прошло то время, когда в ИГ радостно принимали вновь прибывших из России. Теперь им нужно не только количество, но и определенные гарантии того, что новобранцы не предадут и не будут работать на российские власти»⁸¹.

По сообщениям, чеченцы в ИГ сохраняют солидарность. «Чеченский национализм силен даже в ИГ. Когда чеченцы арестовывают чеченца, его не пытаются так жестоко, как других, и у него больше шансов выжить», – пересказывают слова человека, совершившего побег из ИГ⁸². Особенно много чеченцев в главном городе ИГ – в Эр-Ракке, где они, насколько известно, открыли русский продовольственный магазин и русскоязычную начальную школу, что говорит о намерении обосноваться надолго⁸³.

Самым высокопоставленным чеченцем в ИГ является Умар Шишани. По имеющейся информации, он руководил операцией ИГ по захвату иракской провинции Анбар, что позволило аль-Багдади провозгласить халифат, а также сыграл ключевую роль в отвоевании у повстанцев большей части востока Сирии в 2014 году. Считается, что сейчас он возглавляет военный совет и даже возможно – что очень необычно для не-иракца – входит в Совет шурры⁸⁴. После того, как многие из примкнувших к группе Умара Шишани погибли в боях, джихадистские оппоненты прозвали его «Абу-Мясо».

За пропаганду в интернете и вербовку в пользу Шишани отвечает его близкий соратник Ислам Атабиев (Абу Джихад) – молодой радикал-карачаевец из Карачаево-Черкесии. О жизни Атабиева в России известно мало. На «желтом»

⁸⁰ Интервью Кризисной группы, Стамбул. «В ИГИЛ казнили чеченца, сотрудника ФСБ России», Youtube, 2 декабря 2015 г. «Путешествие в Исламское государство и обратно», Кавказский узел, 15 февраля 2016 г.

⁸¹ «Growing Numbers of Russian Converts to Islam Joining Insurgents at Home and Abroad» [«К боевикам в России и за рубежом присоединяется все больше русских, обратившихся в ислам»], the Jamestown Foundation, 17 декабря 2015 г.

⁸² Интервью Кризисной группы с активистом с Северного Кавказа, Стамбул, декабрь 2015 г.

⁸³ Чарльз Гаррис, Сэмюел Рейнольдс «ISIS governance in Syria» [Система управления в ИГИЛ] Middle East Security Report, ISW, июнь 2014

⁸⁴ Гордон Хан, «REPORT», указ. соч. Ричард Барретт, «The Islamic State» [«Исламское государство»], <http://soufangroup.com>, ноябрь 2014 г.

сайте, предположительно связанном с силовыми структурами Дагестана, утверждается, что он учился в Египте, потом вернулся в Карачаево-Черкесию, где имел связи с подпольем. Отбыв год лишения свободы, он, по сообщениям, уехал в Сирию через Турцию и присоединился к Шишани⁸⁵. Атабиев изначально занимался вербовкой,⁸⁶ и, по имеющейся информации, стал известен своим агрессивным такфиризмом (радикальное течение в исламе, основанное на обвинении других мусульман в неверии), чрезмерным даже по меркам ИГ⁸⁷.

Когда Умар Шишани стал амиром северного сектора ИГ, он, по сообщениям, стал прилагать усилия по укреплению своих позиций в иерархии организации. Вместе с Абу Джихадом, который также стремился расширить свою популярность среди русскоговорящих джихадистов, они решили кооптировать подполье Северного Кавказа. По словам эксперта, «Умар Шишани талантами не блещет. Главной движущей силой является Абу Джихад. Это он сумел убедить молодежь, что они создали новый центр силы в ИГ. Он стремится расширить свою власть и авторитет у радикалов»⁸⁸. Новым лозунгом их пропаганды стал такой: «Халифат держится на работе всех мусульман у себя на местах»⁸⁹.

К концу 2014 года ИК в России и так уже очень ослаб. По всей видимости, Абу Джихад воспользовался этим и отправил сообщения амирам боевиков на Кавказе с требованием четко определить свою позицию по отношению к «Исламскому государству»⁹⁰. После нескольких месяцев молчания к лету 2015 года ребрендинг большинства северокавказских боевиков благополучно завершился⁹¹. Между ИК и кавказскими боевиками в Сирии и раньше были прочные связи, а после включения подполья в ИГ они стали теснее. Как сказал один из новообращенных командиров ИГ в Дагестане, «за нашими плечами твердо стоит Халифат». Наблюдения Кризисной группы подтверждают, что боевики ИГ дагестанского происхождения активно включаются в некоторые процессы, происходящие в республике⁹².

⁸⁵ «Абу Джихад – бренд клуба сволочей», Kavkazpress, 28 ноября 2014 г.

⁸⁶ Интервью Кризисной группы с Джоанной Парашук, Лондон, декабрь 2015 г.

⁸⁷ Интервью Кризисной группы с экспертом, Москва, декабрь 2015 г. Как утверждают некоторые источники, проблема такфиризма – одна из самых политизированных в ИГ. По имеющейся информации, все больше людей критикуют ИГ за то, что оно недостаточно следит за выполнением законов шариата на подконтрольной ему территории и слишком мягко относится к местным жителям, нарушает законы шариата в своей политике и применяет репрессивные методы, запрещенные в исламе. Некоторые выступают за более агрессивную политику такфиризма в отношении нарушителей закона шариата и даже самого ИГ, за критику которого, по сообщениям, их могут арестовать и даже казнить. Интервью Кризисной группы с экспертами, Москва, декабрь 2015 г.; «Путешествие в Исламское государство и обратно», указ. соч.

⁸⁸ Интервью Кризисной группы с Джоанной Парашук, Лондон, декабрь 2015 г.

⁸⁹ Проведенный Кризисной группой мониторинг видеопропаганды ИГ в социальных медиа.

⁹⁰ Там же. Интервью Кризисной группы с Джоанной Парашук, Лондон, декабрь 2015 г.

⁹¹ Проведенный Кризисной группой мониторинг видеопропаганды ИГ и северокавказского подполья.

⁹² Например, спустя два дня после конфликта вокруг мечети «Ан-Надирия» на улице Котрова в Махачкале они призвали прихожан смешаться с толпой, дожидаться удобного момента и напасть (см. ниже). Аналогичное заявление было опубликовано во время протестов по поводу закрытия салафитской мечети в Хасавюрте 1 февраля 2016 г. Подробнее о конфликте вокруг мечети «Ан-Надирия» см. «Эксперты заявили об обострении ситуации в Дагестане в связи с акциями дальнобойщиков и конфликтами вокруг мечетей салафитов», Кавказский узел, 28

III. Силовой ответ российского государства

В ноябре 2015 года генеральный прокурор РФ объявил, что по факту участия российских граждан в незаконных вооруженных формированиях за рубежом возбуждено 650 уголовных дел. По словам директора ФСБ, по ним проходят 1000 граждан. Кроме того, в 2015 году на Северном Кавказе было задержано 770 боевиков и их пособников, 156 боевиков на Северном Кавказе были убиты, включая 20 из 26 лидеров формирований, которые присягнули на верность ИГ⁹³. Более 150 граждан, вернувшихся из Сирии и Ирака, приговорены к тюремному заключению⁹⁴. Тем не менее, отток джихадистов продолжается, и как утверждают эксперты, самые сильные лидеры подполья, присягнувшие ИГ, еще живы⁹⁵.

A. Контроль за оттоком: до и после сочинской Олимпиады

Многие на Северном Кавказе считают, что силовые ведомства открыли границу, чтобы радикалы могли покинуть страну накануне Олимпиады-2014 в Сочи, и даже поощряли их отъезд в Сирию. По словам салафитского лидера, «это на 100% так. Они дали зеленый свет и открыли дорогу, этому множество подтверждений»⁹⁶. Расследование «Новой газеты» подтверждает этот тезис, но местные адвокаты выражают сомнения: «Категорически не могу согласиться. Напротив, накануне Игр силовики ограничили передвижение людей [...] Они могли закрыть глаза на какие-то случаи или упустить кого-то по недосмотру, но не думаю, что это была намеренная политика»⁹⁷. Однако источник Кризисной группы в правоохранительных органах Дагестана прямо признал:

«Конечно! Мы открыли границы и помогли им убраться отсюда, а потом закрыли за ними границу, введя уголовную ответственность за участие в подобных боевых действиях. Если они сейчас захотят вернуться, мы их ждем и готовы „принять” у границ. Все счастливы: они там умирают на пути к Аллаху, у нас тут никаких терактов, и мы их бомбим в Латакии и Идлибе. Государственная политика должна быть прагматичной. Это было очень эффективно»⁹⁸.

ноября 2015 г. Ирина Гордиенко, «В центре Махачкалы без объяснения причин закрыли крупную мечеть», Новая газета, 5 декабря 2015 г.

⁹³ ТАСС, 15 декабря 2015 г., указ.соч.

⁹⁴ «В РФ осуждены более 150 вернувшихся из Сирии боевиков», Интерфакс, 2 декабря 2015 г.

⁹⁵ Например, Рустам Асельдеров, Аслан Абдуллаев, Аслан Бютукаев и Залим Шебзухов. «Эксперты заявили о сохранении костяка ИГ на Северном Кавказе», Кавказский узел, 15 декабря 2015 г.

⁹⁶ Интервью Кризисной группы с салафитским лидером, Махачкала, декабрь 2015 г.

⁹⁷ Интервью Кризисной группы с адвокатом Сапият Мамедовой, Дагестан; с адвокатом Рустамом Мацевым, Кабардино-Балкария, ноябрь–декабрь 2015 г.; «Халифат? Приманка для дураков!», Новая газета, 29 июля 2015 г.; «Бездействие подчас хуже ошибок», Росбалт, 27 ноября 2015 г.

⁹⁸ Интервью Кризисной группы, Махачкала, ноябрь 2015 г. Россия начала военную операцию в Сирии 30 сентября 2015 года, после того как Совет Федерации дал президенту Путину разрешение на применение силы. Сам Путин сказал: «Единственно верный путь борьбы с международным терроризмом [...] это действовать на упреждение, бороться и уничтожать боевиков и террористов на уже захваченных ими территориях, не ждать, когда они придут в наш дом.[...] Общеизвестно, что в рядах террористической организации, какой является так

По некоторым данным, у чеченских силовиков даже были трения с ФСБ из-за того, что те смотрели сквозь пальцы на отъезжающих первой волны⁹⁹. По мнению эксперта, «этот вопрос находится на личном контроле у Кадырова. Он очень быстро понял, что чеченские джихадисты в Сирии – это серьезная угроза. С тех пор как Умар Шишани озвучил угрозы в его адрес и его ближнему кругу, проблема стала его личным делом Рамзана»¹⁰⁰. Как пояснил чеченский журналист, Кадыров, у которого много политических врагов и кровников, понимает, «что любой чеченец, воюющий в любом уголке мира не на его стороне, представляют угрозу ему лично, потому что при первой возможности этот чеченец будет воевать против него. Любой вооруженный чеченец – угроза для его режима»¹⁰¹.

Федеральная политика в области безопасности на Северном Кавказе изменилась во второй половине 2014 года: контроль стал жестче, оттоку джихадистов на Ближний Восток стали препятствовать. В 2015 году на границе остановили более 100 граждан, включая женщин, по подозрению в том, что они едут в Сирию¹⁰². В одних случаях за ними следили еще до границы, в других они вызвали подозрения при прохождении контроля. Жительница Дагестана Аминат И. сказала, что едет в Турцию за товаром для своего магазина, но ее сняли с самолета и изъяли у нее компьютер, телефон, 2 тыс. долларов и личные вещи. Силовые структуры знали, что ее сестра находится в Сирии, и сочли подозрительным наличие в ее багаже 50 кг продовольствия и 11 пар мужских носков. По ее словам, ей предложили сотрудничать: установить контакты с дагестанцами в Сирии и давать информацию о них в обмен на то, что против нее не будет возбуждено уголовное дело¹⁰³.

В конце октября 2015 года чеченские власти сообщили, что в московской квартире задержаны от 17 до 20 молодых мужчин, которые готовились к отправке в ИГ и которых, по словам Рамзана Кадырова, завербовали иностранные спецслужбы. В сентябре на границе при попытке уехать в ИГ были задержаны пять молодых людей в возрасте от 20 до 25 лет и две женщины, причем одна беременная, из Чечни. Брат одного из них, насколько известно, уже находился к тому времени в Сирии и пригласил остальных, а родители поставили в известность силовые структуры. Было возбуждено уголовное дело, и им может

называемое „Исламское государство“, [...] сегодня находятся тысячи выходцев из европейских государств, России и постсоветских стран. Не надо быть специалистом по этим вопросам, чтобы понять: если они достигнут успеха в Сирии, то неминуемо [...] придут и в Россию». «Путин: ислам не имеет ничего общего с ИГИЛ», Youtube.com, 30 сентября 2015 г. В январе 2016 года джихадистская группировка Муслима Шишани в Латакии сообщила, что несет большие потери из-за российских авиаударов и действий сирийской правительственной армии. Джоанна Парашук, “Muslim Shishani makes video address about the situation in Latakia” [«Муслим Шишани выступил с видеообращением по поводу ситуации в Латакии»], www.chechensinsyria.com, 12 января 2016 г.

⁹⁹ Интервью Кризисной группы через Skype с Еленой Милашиной из «Новой газеты», январь 2016 г.

¹⁰⁰ Интервью Кризисной группы через Skype с чеченским журналистом, январь 2016 г.

¹⁰¹ Интервью Кризисной группы через Skype с чеченским журналистом, январь 2016 г.

¹⁰² ТАСС, 15 декабря 2015 г., указ.соч.

¹⁰³ По информации Правозащитного центра «Мемориал», Махачкала, интервью Кризисной группы, ноябрь 2015 г.

грозить от пяти до десяти лет лишения свободы¹⁰⁴. Источники утверждают, что в полиции теперь каждого джихадиста, который добрался до Сирии, считают личным провалом участкового¹⁰⁵. «Мне наш участковый сказал, что за ним закрепили четырех человек, за которых он „отвечает“, поэтому он будет наблюдать за нами», – рассказала одна салафитка¹⁰⁶. «Одному из моих друзей участковый прямо сказал: „Я тебе квартиру снять помогу, только убирайся из моего района“», – поделился другой источник¹⁰⁷.

1 августа 2015 года Общественная палата РФ открыла горячую линию по противодействию вербовщикам ИГ, в задачи которой среди прочего входит оказание помощи тем, чьи родственники находятся в Сирии или планируют уехать туда. Через горячую линию сигналы родственников поступают в силовые структуры с целью предотвратить отъезд новых рекрутов из страны¹⁰⁸.

Силовые структуры по всему региону преследуют вербовщиков и тех, кто собирает деньги на джихад. Некоторые эксперты считают, что сеть вербовщиков ИГ в России представляет собой стабильную структуру с ячейками на Северном Кавказе, в Поволжье, в Сибири и на российском Дальнем Востоке¹⁰⁹. 270 дел возбуждены по подозрению в финансировании терроризма; утверждается, что только в одном Дагестане арестованы и осуждены 40 вербовщиков¹¹⁰. Предполагаемых вербовщиков задержали за то, что, по имеющейся информации, они пытались заманить молодых людей из уважаемых семей Чечни, а также Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Ставрополя и Краснодарского края¹¹¹. Студентке медицинского вуза из Москвы грозит 14 лет лишения свободы за то, что она разместила в социальной сети изображение с флагом ИГ¹¹².

Трудно сказать, насколько в каждом отдельном случае обоснованы обвинения в вербовке. Источник в силовых структурах Дагестана объяснил, как выявляют вербовщиков: «Человек постит и перепостит какую-то пропаганду в соцсетях, потом пара арестованных подозреваемых дают на него показания,

¹⁰⁴ «Власти Чечни заявили о задержании группы потенциальных боевиков ИГИЛ», Кавказский узел, 31 октября 2015 г. «Шесть жителей Чечни арестованы по подозрению в попытке уехать на войну в Сирию», Кавказский узел, 1 сентября 2015 г.

¹⁰⁵ Интервью Кризисной группы с адвокатом Сапиа Магомедовой, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹⁰⁶ Интервью Кризисной группы с салафиткой, Избербаш, Дагестан, декабрь 2015 г.

¹⁰⁷ Интервью Кризисной группы с авторитетным салафитом, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹⁰⁸ «Учетный гражданин. Будни войны с исламским терроризмом в России», Коммерсант, 7 декабря 2015 г.

¹⁰⁹ «Шестеро вербовщиков ИГИЛ на Ставрополье получили по 5–7 лет колонии», Росбалт, 1 декабря 2015 г.

¹¹⁰ ТАСС, 15 декабря 2015 г., указ. соч. Интервью Кризисной группы с сотрудником правоохранительных органов, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹¹¹ «Кадыров: В Чечне задержаны вербовщики», TopNews, 2 октября 2015 г.; «В Краснодарском крае арестован вербовщик ИГ, планировавший теракт», EurAsiaDaily, 19 октября 2015 г.; «ФСБ задержала предполагаемого вербовщика ИГИЛ в Санкт-Петербурге», Lifenews, 10 июня 2015 г.; «В Екатеринбурге вербовщик ИГИЛ, заманивавший уральцев в Сирию, получил больше трех лет», Росбалт, 8 декабря 2015 г.; «Шестеро вербовщиков ИГИЛ», указ. соч.; «Семь жителей Чечни подозреваются в вербовке людей для „Исламского государства“», Кавказский узел, 6 сентября 2015 г.; «В Подмосковье задержаны вербовщики ИГИЛ», YouTube.com, 28 октября 2015 г.; «Адвокаты Умаханова обжаловали приговор по делу о вербовке в ИГ», Кавказский узел, 9 декабря 2015 г.

¹¹² «Московской студентке грозит 14 лет за размещение в Сети флага ИГИЛ», Известия, 24 февраля 2016 г.

мол, пытался убедить нас уехать, – и у вас есть подозреваемый!»¹¹³ Учитывая распространенность пыток, показания подозреваемых вызывают разумные сомнения в том, является ли обвиняемый действительно вербовщиком или просто разделяет радикальную идеологию. В силовых ведомствах главным критерием оценки служат количественные показатели, так что полиция заинтересована в раздувании своих успехов¹¹⁴. Кроме того, большинство вербовщиков, насколько известно, находится за пределами России – в Европе или Турции, – и они вне досягаемости¹¹⁵.

В. *Подавление салафитской активности и давление на мечети*

Угроза безопасности, связанная с радикализацией подполья на Северном Кавказе и появлением ячеек ИГ по всей России, серьезна и требует выверенного, продуманного ответа. Со второй половины 2014 года власти успешнее препятствуют отъезду людей, стараются пресечь вербовку и выявить потенциальные террористические ячейки. Однако жесткие силовые методы и грубейшие нарушения прав человека, включая насильственное исчезновения, внесудебные казни и широко распространенное применение пыток, особенно в Дагестане и Чечне, по-прежнему способствуют радикализации части салафитов и подпитывают джихадизм.

Более десяти лет главным методом контроля в регионе является «профучет» (профилактическая регистрация экстремистов). Лиц, подозреваемых в приверженности фундаменталистским течениям ислама, вносят в специальные списки с указанием личных деталей, особенностей поведения и семейных прозвищ¹¹⁶. После инцидентов, например, столкновений между силовиками и боевиками или терактов, местная полиция их задерживает и допрашивает, как утверждается, часто применяя насилие или унижающего достоинство обращения. Многие были поставлены на учет из-за своей внешности, из-за того, что ходят не в ту мечеть, контактируют с другими салафитами либо когда-то сдали квартиру подозрительным лицам или подвезли подозрительного человека¹¹⁷.

Хотя государству необходимо отслеживать потенциальных террористов, юридические основания и эффективность политики профучета вызывают серьезные сомнения. Согласно копии учетной карточки, показанной Кризисной группе одним дагестанским салафитом, база, куда его внесли, называется «Профилактический учет по категории „ваххабит”». Ваххабизм не запрещен в Российской Федерации, и ее Конституция не допускает преследования за вероисповедание; поэтому дискриминация людей по признаку их религиозных убеждений незаконна. Вместе с тем в Дагестане республиканский закон, принятый Народным Собранием РД в 1999 году, запрещает «ваххабизм и другие формы экстремизма», и дагестанские суды с недавнего времени ссылаются на этот за-

¹¹³ Интервью Кризисной группы, Дагестан, ноябрь 2015 г.

¹¹⁴ Подробнее о системе оценки работы полиции и связанных с этим проблемах в области прав человека см. в докладе Кризисной группы «Сложности интеграции (III)», указ. соч., с. 39–42.

¹¹⁵ «Боевик из Сирии Саид Мажаев вернулся домой в Чечню», Youtube.com, 7 марта 2015 г. Интервью Кризисной группы через Skype с Еленой Милашиной из «Новой газеты», январь 2016 г.

¹¹⁶ Доклад Кризисной группы, «Сложности интеграции (II)», указ. соч.

¹¹⁷ Олег Орлов, Екатерина Сокирянская, «Новый курс Магомедова?», указ. соч.

кон в своих решениях в защиту профучета¹¹⁸. Правозащитники неоднократно заявляли, что этот закон противоречит федеральной конституции. Какое-то время после 2010 года казалось, что широкое применение этой практики прекратилось, и недавний возврат к ней вызывает серьезную обеспокоенность.

Со второй половины 2014 года количество людей, поставленных на учет, резко выросло, особенно в Дагестане, где попытки отследить потенциально опасных граждан носят самый агрессивный характер. По информации прокуратуры РД, на учет поставлены 15 тыс. человек, включая жен, вдов и сестер боевиков, их детей и иногда родителей¹¹⁹. Постановка на учет влечет за собой серьезные последствия: проверку личности на постах ДПС, допросы, зачастую – препровождение в отделение полиции для дальнейшего допроса, снятия отпечатков пальцев, фотографирования; задержание может длиться несколько часов и сопровождаться взятием крови и слюны на анализ. Если вы попытаетесь выехать за пределы региона, вас могут снять с самолета. Правозащитный адвокат рассказала:

«95 % тех, кто состоит на учете, не могут выехать за пределы региона [...] Силовики подбрасывают им оружие, боеприпасы и наркотики, задерживают и пытаются их. Я думаю, они поставили своей целью полностью уничтожить само понятие ваххабизма»¹²⁰.

Обычно люди ничего не знают о своей постановке на учет до первого задержания¹²¹. В Дагестане недавно многие люди умеренных взглядов обнаружили, что состоят на учете, в частности – бывший член Общественной палаты и лидер республиканского отделения демократической оппозиционной партии «Яблоко»¹²². Для части полицейских такое масштабное пополнение списков стало неожиданностью; полиции не хватает сотрудников и времени на то, чтобы доставить всех поставленных на учет в отделения и выполнять все предписанные процедуры¹²³. Попав на учет, добиться исключения почти невозможно, даже если неофициально силовики и признают ошибку.

Некоторые должностные лица в неофициальных беседах признают, что «к сожалению, такая практика лишь подталкивает людей к уходу в лес и к сопротивлению»¹²⁴. Вместе с тем есть случаи, когда профучет помог спасти жизни людей: «Мой племянник поехал в Сирию с еще пятью молодыми людьми – все

¹¹⁸ «Решение Кизилюртовского районного суда Республики Дагестан от 10 июня 2015 г. по делу № 2-209/2015», <http://sudact.ru>. Суды указывают, что профучет предназначен для регистрации «приверженцев нетрадиционного ислама» – термин, не имеющий юридического определения. Соответствие закона федеральной конституции часто ставилось под сомнение, но до недавнего времени никто не пытался оспорить его в суде, так как он не применялся.

¹¹⁹ «Прокуратура Дагестана о постановке на учет...» (выступление в ДГИНХ 1 марта 2016 г.), Черновик, 1 марта 2016

¹²⁰ Интервью Кризисной группы с правозащитным адвокатом Сапият Магомедовой, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹²¹ Интервью Кризисной группы с людьми, поставленными на учет, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹²² Интервью Кризисной группы с лидером салафитов; «„Яблоко” призвало главу МВД снять Бабаева с учета в полиции», Кавказский узел, 10 марта 2015 г.

¹²³ «Дагестан: полицейские жалуются на систему постановки на профучет», Мемориал, 30 октября 2015 г.

¹²⁴ Интервью Кризисной группы с должностным лицом из Дагестана, Махачкала, ноябрь 2015 г.

они учились в одном классе махачкалинской школы. Силовики знали, что парни разделяют эти идеи. Четверо состояли на учете, и их задержали в аэропорту Минеральные Воды. А двое, включая моего племянника, на учете не состояли, и сейчас они в Сирии»¹²⁵, – рассказали Кризисной группе.

Со времен подготовки к Олимпиаде в Дагестане существует сопутствующая практика выталкивания наиболее радикальных или харизматичных салафитских проповедников из правового поля. В 2015 году несколько имамов и учителей арабского и Корана были арестованы по обвинениям в незаконном хранении оружия. Их родственники и сторонники считают, что оружие им подбросили¹²⁶. Двое из этих имамов ушли к ИГ, а в одном случае источники в правоохранительных органах подтвердили, что оружие действительно, скорее всего, подбросили, а имаму дали «зеленый свет» на выезд¹²⁷. Эксперт так охарактеризовал происходящее: «Такова общая политика. Я не могу сказать, откуда исходит инициатива – от местных, например, или федеральных силовиков. [...] Те проповедники [...] я бы назвал их достаточно радикальными, но все-таки не экстремистскими. Давление на проповедников оказывается из-за опасений и перестраховок. И потом есть ошибочное мнение, что если их выдавить, то наступит тишь и благодать»¹²⁸.

Рейды на салафитские мечети и массовые задержания их прихожан стали частью систематической политики по закрытию мечетей либо установлению полного контроля над ними. Насколько известно, в ноябре и декабре 2015 года были задержаны 80–100 человек в мечети в поселке Шамхал (11 декабря), 40–50 – в мечети «Ан-Надирия» в Махачкале (20 ноября), 40 – в Буйнакске (13 ноября). Всех их поставили на учет как экстремистов¹²⁹. Летом 2015 года аналогичные рейды проводились по всему Дагестану.

Самый тревожный инцидент случился вечером 20 ноября, когда суфийские лидеры в сопровождении агрессивных настроенных мускулистых верующих и при поддержке силовиков захватили мечеть «Ан-Надирия», которая на протяжении десятилетия была символом дагестанского салафизма. «Это началось несколько месяцев назад, – рассказал лидер мечети. – Они начали задерживать людей группами сразу после молитв. И в этот день тоже несколько автобусов прихожан задержали, из-за этого те, кто обычно приходит на молитву, остались дома во избежание проблем. Поэтому в тот вечер в мечети было всего 50–60 верующих»¹³⁰. Суфийские активисты под предводительством имама

¹²⁵ Интервью Кризисной группы с должностным лицом из Дагестана, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹²⁶ Речь, в частности, идет о делах Курбана Аскандарова из мечети на улице Котрова («Мать заместителя имама мечети в Махачкале обратилась за помощью к правозащитникам», Кавказский узел, 28 мая 2015 г.); Исы Койтемирова из села Каякент («Имам села Каякент задержан в Дагестане»), Кавказский узел, 25 октября 2015 г.; Камиля Исаева из Махачкалы («В Дагестане арестован очередной исламский проповедник», Infochechen.com, 1 сентября 2015 г.).

¹²⁷ Интервью Кризисной группы с сотрудником силовых структур, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹²⁸ «Ахмет Ярлыкапов: „В Дагестане существует общая логика вытеснения радикальных проповедников“. „Как правило, эти люди, к сожалению, оказываются с „Исламским государством“», Метод.ру, 1 сентября 2015 г.

¹²⁹ «Эксперты поставили под сомнение эффективность борьбы с терроризмом с помощью задержаний в мечетях»; «Жители Буйнакска сообщили о массовом задержании прихожан мечети», Кавказский узел, 21 ноября 2015 г., 14 ноября 2015 г.

¹³⁰ Интервью Кризисной группы, Махачкала, ноябрь 2015 г. Мечеть «Ан-Надирия» также известна как «мечеть на улице Котрова» (по названию улицы, где она расположена).

центральной мечети Махачкалы Магомедрасула Саадуева (один из немногих суфиев, в целом пользовавшихся уважением среди салафитов) пришли и назначили суфийского имама. «Я крикнул: Я против! – рассказал один из очевидцев. – Вы же знаете, что вы не прихожане этой мечети. Не лучше ли, чтобы собрались прихожане и сами выбрали нового имама? Пять или семь человек сразу бросились на меня, сбили с ног, туда-сюда таскали, старались избить»¹³¹.

На следующее утро аналитик Кризисной группы наблюдала, как разгневанные молодые люди собрались вокруг мечети «Ан-Надирия», явно в поисках возможности выразить свое негодование. Район перекрыли бронированные автомобили, полицейские машины и ОМОН в масках. В какой-то момент полицейские начали стрелять в воздух. «Ахи [брат], русские нас подавляют!» – говорил другим молодой человек в толпе. В это самое время лидеры мечети пытались договориться с республиканским муфтием. Пять дней спустя Саадуев сказал на пресс-конференции, что муфтий готов назначить нового имама, который станет фигурой, приемлемой для всех, после консультаций с руководством мечети. Вскоре его самого безо всяких консультаций объявили имамом мечети «Ан-Надирия»¹³². Ее салафитское руководство и прихожане отказались принять Саадуева и сказали, что не отвечают за возможную эскалацию. Боевики с Северного Кавказа в ИГ опубликовали заявление, в котором издевались над умеренными лидерами за то, что они ищут компромисс, и призвали разозленную молодежь раствориться в толпе и в удобный момент совершить нападения, как это сделали «парижские братья»¹³³.

Опасаясь эскалации, 30 ноября Саадуев ушел с должности, а силовики закрыли мечеть, сославшись на подозрение, что там заложена бомба. Активист-салафит сказал: «Многие люди были глубоко возмущены, оскорблены. Радикалы считают, что пришло время взяться за оружие. Остальные говорят, что нужно потерпеть»¹³⁴.

Если инцидент с мечетью «Ан-Надирия» вызвал большой резонанс в обществе, то отъем некоторых других салафитских мечетей происходил более тихо. Активист из пригорода Махачкалы, Ленинкента, рассказал Кризисной группе, что местная полиция угрожала закрыть их мечеть, куда ходят салафиты, если там не сменят имама. Полиция надавила на него, и имам, считавшийся умеренным салафитом, ушел¹³⁵. Аналогичное давление оказывалось на имама махачкалинской мечети на улице Венгерских бойцов, но ее прихожане более сплочены. В других мечетях прихожане протестовали против попыток закрыть мечеть или заменить имама. Когда закрыли мечеть «Северная» в Хасавюрте, на улицы вышли более 5 тыс. салафитов и не уходили до тех пор, пока ее не открыли вновь. В Дербенте после задержания имама «аэропортовской» мечети на улицы тоже вышла разгневанная толпа¹³⁶. За последние месяцы также были закрыты са-

¹³¹ Интервью Кризисной группы с прихожанином Котровской мечети, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹³² Наблюдения Кризисной группы, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹³³ Распространенное в социальных медиа заявление.

¹³⁴ Интервью кризисной группы с активистом-салафитом, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹³⁵ Интервью Кризисной группы с активистом из села Ленинкент, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹³⁶ «Несколько тысяч прихожан закрытой вчера в Хасавюрте мечети двигаются маршем протеста в сторону администрации города», Черновик, 1 февраля 2016 г. «Жители Дербента сообщили о задержании имама салафитской мечети», Кавказский узел, 9 февраля 2016 г.

лафитские мечети в Новом Куруше и Шамхале, небольшие молельные дома по улице Орджоникидзе и так называемая «Пальмира» в Махачкале¹³⁷.

Распространенное убеждение, что радикализация происходит в определенных мечетях, не находит эмпирического подтверждения¹³⁸. Радикализация обычно случается не в официальных учреждениях, таких как мечети, университеты, гимназии, а в неформальной молодежной среде, которая формируется среди друзей и сверстников. Радикальная молодежь объединяется в социальных сетях и следует за общим призывом к джихаду, а не становится жертвой систематической, последовательной и персонализированной вербовки. Молодые люди, ушедшие в подполье по всему Дагестану, ходили в разные мечети, в том числе и центральную мечеть Махачкалы, которая пользуется самой лучшей репутацией за свое соответствие линии официального ислама.

Общины салафитских мечетей подвижны, в них наблюдается большая «текучка», верующие переходят из одной мечети в другую. Источник Кризисной группы в правоохранительных органах подтвердил, что такие мечети «напичканы жучками и агентами», поэтому там было проще контролировать прихожан¹³⁹. Принудительные закрытия приводят к озлоблению салафитских общин, укрепляют позиции радикалов, затрудняют наблюдение для силовых структур и ослабляют умеренные силы как среди салафитов, так и среди суфиев.

В Чечне традиционно проводится самая жесткая политика в отношении салафитов, который там уничижительно называют «ваххабизмом», находится под запретом. Власти многократно и открыто объявляли, что не позволят ваххабитам жить в Чечне и что их надо убивать. Традиционный ислам суфийского толка провозглашен истинным путем и государственной идеологией¹⁴⁰. До недавнего времени силовые структуры не вели официальный учет салафитов, но в каждом муниципальном районе пристально следили за своей молодежью¹⁴¹. Однако в середине февраля пресс-служба чеченского парламента сообщила о введении обязательной «духовно-нравственной паспортизации» всех чеченцев в возрасте от 14 до 35 лет. Предполагалось, что в рамках «паспортизации» молодые люди должны отчитываться о своей этнической и родовой принадлежности, принадлежности к течению в исламе, а «паспорт» будет заверяться подписью отца или главы рода, которые обязуются таким образом разделить ответственность за поведение молодого человека. Это вызвало бурю возмущения в федеральных СМИ, и Кадыров опроверг эти планы.

Однако, как сообщают источники Кризисной группы, власти заменили термин «паспортизация» словом «анкетирование» и ввели обязательную регистрацию с 25 февраля. Как рассказал один из источников Кризисной группы,

¹³⁷ «Прихожане мечети в Махачкале сообщили о массовой постановке на учет в полиции», Кавказский узел, 4 октября 2015 г.

¹³⁸ “95% of foreign fighters who join ISIS are recruited by friends and family and radicalisation ‘rarely occurs in mosques’, claims an Oxford University terrorism expert” [«95% иностранных боевиков, приехавших в ИГИЛ, завербованы друзьями и родственниками, радикализация „редко происходит в мечетях”, утверждает эксперт по терроризму из Оксфордского университета], DailyMail, 25 ноября 2015 г.

¹³⁹ Интервью Кризисной группы с источников в правоохранительных органах, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹⁴⁰ Доклад Кризисной группы № 236 (Европа) «Чечня: внутреннее зарубежье», 30 июня 2015 г.

¹⁴¹ Особенно это касается сельских районов, где родственники обязаны сообщать администрации, если молодые люди из их семьи уезжают из республики на долгое время (для работы, учебы и т. д.)

имам их сельской мечети объявил, что «падишах» (так чеченская элита называет Рамзана Кадырова) дал на три дня на завершение процесса, и что все отцы должны явиться со своими детьми в возрасте от 14 до 35 лет в местные школы, заполнить анкеты и расписаться¹⁴².

МВД регулярно проводит кампании против женщин в хиджабах, закрывающих подбородок, и мужчин, носящих бороды без усов, что является внешней атрибутикой салафитов¹⁴³. В конце октября 2015 года произошло массовое задержание салафитов, а в конце года, по сообщениям, по всей республике силовики снова задерживали людей, многие из которых исчезли¹⁴⁴. С марта 2014 года имамы грозненских мечетей обязаны контролировать внешний вид своих прихожан и еженедельно отчитываться о своей борьбе с фундаментализмом¹⁴⁵. В Чечне нет ни одной салафитской мечети и никакой открытой салафитской активности.

Кадыров призвал все мусульманские страны к борьбе с ИГ, которое он называет «Иблиским государством» (государством сатаны), и, по имеющейся информации, предложил направить своих военных в Сирию¹⁴⁶. В феврале 2016 года федеральный телеканал «Россия 1» сообщил, что в Сирии воюют чеченские подразделения¹⁴⁷. Кадыров предложил лишать джихадистов, находящихся в Сирии, гражданства и не пускать обратно в страну¹⁴⁸. Глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров поддержал это предложение в качестве меры сдерживания, хотя его собственная политика в отношении салафитов и возвращающихся боевиков – самая умеренная в регионе: в Ингушетии не притесняют салафитов и, насколько известно, ведут учет лишь тех, кто уехал в Сирию¹⁴⁹. В июне 2015 года муфтий республики Иса Хамхоев и его сторонники попытались захватить сельскую мечеть в Насыр-Корте, во главе которой стоит влиятельный салафитский имам Хамзат Чумаков. Вмешались власти, мечеть сохранила свою независимость, а Евкуров посоветовал республиканским духовным лидерам избрать нового муфтия¹⁵⁰. В Кабардино-Балкарии учет ведется, но те, кто на нем состоят, не жалуются ни на давление, ни на притеснения¹⁵¹.

¹⁴² Интервью Кризисной группы через Skype, февраль 2016 г. «В Чечне ввели „духовно-нравственный паспорт“», Коммерсант, 18 февраля 2016 г.

¹⁴³ «Ношение бороды», Сердце Чечни, <http://serdce-chechni.ru>.

¹⁴⁴ «В конце прошлого года в Чечне зафиксированы многочисленные похищения», Мемориал, 14 января 2016 г.

¹⁴⁵ «Кадий Грозного обязал имамов следить за внешним видом прихожан мечетей», Кавказский узел, 26 марта 2014 г.

¹⁴⁶ «Kadyrov asks Putin to allow Chechen infantry to fight in Syria» [«Кадыров попросил у Путина разрешения отправить на войну в Сирии чеченскую пехоту»], RussiaToday, 2 октября 2015 г.

¹⁴⁷ «Кадыров рассказал о чеченском спецназе в Сирии», Новая газета, 8 февраля 2016 г.

¹⁴⁸ «Рамзан Кадыров предложил лишать гражданства воюющих за ИГ», RussiaToday, 22 июля 2015 г.

¹⁴⁹ Интервью Кризисной группы через Skype и по электронной почте с ингушским адвокатом-правозащитником Батыром Ахильговым, руководителем Правозащитного центра «Мемориал» в Ингушетии Тамирланом Акиевым, декабрь 2015 г.

¹⁵⁰ «Хамзат Чумаков: „между Чечней и Ингушетией“», Кавполит, 29 декабря 2015 г.

¹⁵¹ Интервью Кризисной группы через Skype Ибрагимом Султыговым из Правозащитного центра «Мемориал»; правозащитным адвокатом Евой Чаниевой; оба из Кабардино-Балкарии, декабрь 2015 г.

IV. Почему ИГ?

Наряду с подавлением вооруженного подполья и салафитского призыва есть ряд других факторов, способствующих идеологическому переходу северокавказского подполья от региональных целей к глобальным, и связаны они с тем, как ИГ апеллирует к местным радикалам. Для того чтобы выработать стратегии дерадикализации и меры по снижению социальной напряженности, приведшей к возникновению радикальных движений, необходимо сначала распутать сложный клубок мотивов, движущих людьми. В настоящем разделе описаны побудительные причины разворота северокавказских радикалов в сторону ИГ. В его основу легли интервью с северокавказскими салафитами, родственниками боевиков, должностными лицами и экспертами, а также наблюдения Кризисной группы.

Силловые структуры разгромили северокавказское подполье, но российские власти не смогли устранить причины проблем, которые его питали, несмотря на некоторые видимые достижения в социально-экономической сфере и шаги по борьбе с коррупцией, предпринятые в отдельных республиках¹⁵². Пропагандисты ИГ эффективно манипулируют гневом и разочарованием мусульман-суннитов, однако далеко не все завербованные в ИГ происходят из бедных, преследуемых или ущемляемых слоев населения: социальный статус и склонность к радикализму не коррелируют. Многие люди живут в тяжелых условиях, но лишь единицы из них радикализуются до такой степени, чтобы примкнуть к ИГ. Наряду с религиозной составляющей, одни видят в ИГ свой шанс начать новую жизнь, другие – привлекательный проект, дающий возможность реализовать свои амбиции.

A. Религиозная утопия

Большинство опрошенных салафитов считают, что главными причинами для присоединения к ИГ остаются религиозные. Каждый суннит-фундаменталист заявляет, что хочет жить в исламском государстве. Эсхатологические (касающиеся конца света) хадисы о Шаме зовут мусульман на бой перед концом света. Эсхатологические ожидания всегда были очень распространены на Северном Кавказе, в основном в виде суеверий и легенд и преимущественно среди пожилых людей. Однако молодежь с недавнего времени тоже стала подпадать под их влияние, проецируя свою тревогу и напряжение на переселение в «святые земли Шама»¹⁵³[в Левант].

Считается, что ИГ провозгласило халифат для того, чтобы делегитимизировать распоряжения лидера «Аль-Каиды» аз-Завахири, и в целях пропаганды. Халифат – единственный тип исламского государственного устройства, имеющий правовые последствия для всей уммы (мусульманской общины). Если он провозглашен в соответствии с законными процедурами шариата, все мусульмане обязаны признать его правителя и присягнуть на верность. Более того,

¹⁵² См. доклад Кризисной группы №237 (Европа) «Северный Кавказ: сложности интеграции (IV):экономический и социальный императивы», 7 июля 2015 г.

¹⁵³ Ахмет Ярлыкапов, «Ахыр Замана и Хиджра: Мусульманская молодежь в эсхатологических ожиданиях», лекция в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

его шариатские решения имеют приоритет над решениями других институтов и ученых во всей умме¹⁵⁴.

Радикалы убеждают молодежь, что хиджра в халифат ИГ или участие в боевых действиях на его стороне – индивидуальная обязанность (фард айн) каждого мусульманина. Те же, кто воздерживаются от нее, по их словам, не выполняют свой долг перед Аллахом¹⁵⁵. До того, как в России ввели уголовную ответственность за участие в вооруженных формированиях за рубежом, некоторые молодые люди под воздействием пропаганды ездили в Сирию на три-четыре месяца «для выполнения своего религиозного долга» и возвращались назад¹⁵⁶.

Еще один религиозный аргумент связан с понятием «зульм» – порабощение и страдания угнетенных, что тоже обязывает мусульман помогать сирийскому народу¹⁵⁷. «Огромное психологическое влияние на молодежь оказывают фотографии растерзанных или изувеченных трупов детей», – пояснил эксперт с Северному Кавказу. Дополнительное возмущение обусловлено религиозным противостоянием суннитов и шиитов в этой войне. По некоторым данным, суннитская солидарность в начале войны привела к отъезду в Сирию даже некоторых суфиев из Дагестана. Но официальный муфтият, который имеет огромное влияние на суфиев республики, быстро остановил этот процесс¹⁵⁸.

Кроме того, ИГ – это привлекательная утопия. Халифат – это мечта, долгожданное, сильно романтизированное представление о возрождении многонационального мусульманского образования, которое в конце концов освободит мусульман, вернет им достоинство и могущество в тех местах, где они жили в угнетении. Он обещает новую, более счастливую жизнь, в том числе тем, кто желает создать семьи или бежать от определенных обстоятельств в их жизни. Это находит отклик, например, в Чечне, где многие хотят найти альтернативу крайне репрессивному режиму. Эксперт «Новой газеты» отмечает:

«Мотивация заключается в том, чтобы сбежать куда-нибудь подальше от Чечни. Пружина репрессий сжата слишком сильно, дальше некуда. Если ты не связан с правящим кланом, у тебя не будет достойной жизни. Они едут в халифат, чтобы начать новую жизнь. Это еще один канал выхода, и они пытаются убедить себя, что это лучший вариант¹⁵⁹».

По словам чеченского журналиста и активиста, подобный эскапизм – способ восстановить чувство собственного достоинства и обрести новый смысл жизни:

¹⁵⁴ Интервью Кризисной группы с экспертом, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹⁵⁵ У мусульман есть два вида религиозных обязательств: фард айн и фард кифая. Первые представляют собой индивидуальную обязанность каждого мусульманина, например: молитва, пост, паломничество и т. п. Ко вторым относятся коллективные обязанности, возлагаемые на всю общину верующих, и достаточно, если их исполнит только часть людей, например, произнесение молитв на похоронах. Вооруженный джихад при одних обстоятельствах считается фард айн, при других – фард кифая.

¹⁵⁶ Интервью Кризисной группы с родственниками воюющих в Сирии, активистами-салафитами, Хасавюрт, Хасавюртовский район, Дагестан, ноябрь 2015 г.

¹⁵⁷ Зульм (араб.) – жестокость, зло, связанные с эксплуатацией, угнетением и страданиями, навлекаемыми одними людьми на других.

¹⁵⁸ Интервью Кризисной группы с экспертом, Махачкала, декабрь 2015 г.

¹⁵⁹ Интервью Кризисной группы через Skype с Еленой Милашиной, январь 2016 г.

«Чеченцам, особенно мужчинам, необходимо ощущать, что они сами принимают за себя решения, что они сами себе хозяева. Но сейчас пространство для жизни с достоинством резко сокращается. Найти работу можно, но [надо] быть готовым к тому, чтобы закрывать глаза на несправедливость и выполнять все приказы начальства [...] Обращение к религии дает им ощущение, что они сами принимают решения [...] Уходя на эту войну, многие думают, что едут защищать свою религию. Это освобождает их и дает им чувство великой миссии»¹⁶⁰.

Эскапизм – сильная мотивация и в менее репрессивной обстановке Дагестана. «Люди стремятся к счастью, а в ИГ тебе найдут супруга. Уже одно сексуальное удовлетворение делает людей счастливее, особенно женщин из традиционных обществ, вдов, женщин, разведшихся с нелюбимыми мужьями или сбежавших от них», – пояснил живущий в Стамбуле салафит¹⁶¹. Кризисная группа задокументировала случай, когда замужняя женщина сбежала с детьми в ИГ и там снова вышла замуж, объявив своего первого мужа вероотступником¹⁶². Источники утверждают, что этот случай не исключение. Активистка по правам женщин в Чечне рассказала:

«Молоденькие девушки убегают от родительского контроля, чтобы сделать что-то самостоятельно, на поиски приключений. Я знаю несколько случаев, когда женщины убегали после тяжелого развода. Одна из них недавно – молодая женщина, она пережила просто ужасное замужество. И тут появляется этот джихадист из ИГ, он снимает комплексы, говорит, что ты избранная и что на тебя возложена особая миссия»¹⁶³.

«ИГ – проект для молодежи, поэтому в траекториях этих людей часто фигурирует любовная история», – отметила адвокат, работающая с людьми, имевшими контакты в ИГ¹⁶⁴.

В отличие от Имарата Кавказ, который был разгромлен и действовал в глубоко подполье, ИГ позиционирует себя как реалистичный политический проект. Срок жизни среднестатистического джихадиста в России недолог. ИГ предлагает альтернативу однозначно самоубийственному предприятию, ставит долгосрочные политические цели и некоторых целей уже достигло. Большая часть пропаганды ИГ посвящена мирной работе и идиллической природе. Наряду с боевиками ИГ вербует врачей, экономистов, инженеров-нефтяников. Люди, у которых не было почти никаких перспектив на родине, за которыми постоянно следили спецслужбы из-за их религиозных взглядов, считают, что ИГ предлагает им место, где нет ни притеснений, ни кланов, захвативших все сферы жизни, и где они смогут продвинуться по карьерной лестнице, благодаря собственным заслугам. Некоторые искренне считают, что это их жизненный шанс.

¹⁶⁰ Интервью Кризисной группы, январь 2016 г.

¹⁶¹ Интервью Кризисной группы, декабрь 2015 г.

¹⁶² «To the Islamic State and Back» [«В Исламское государство и обратно»], блог Кризисной группы, 1 декабря 2015 г.

¹⁶³ Интервью Кризисной группы через Skype, февраль 2016 г.

¹⁶⁴ Интервью Кризисной группы с Сапиа Магомедовой, Махачкала, ноябрь 2015 г.

В. Эффективное исламское управление

Другим важнейшим аспектом пропаганды ИГ является обещание эффективного исламского управления. «Аль-Каида» тоже стремилась создать исламское государство, но, даже захватив территорию, она не занималась выстраиванием государственности. ИГ уделяет этому большое внимание. «В первое время им удалось создать почти идеальный административный порядок, и многим мусульманам это понравилось. Многие люди говорили мне, что мне надо поехать туда и увидеть все своими глазами, и тогда я поверю», – рассказал мигрант с Северного Кавказа в Турции. «Они искоренили азартные игры, курение и проституцию; они платят зарплату и социальные пособия; работает судебная система, наказания приводятся в исполнение, и это то, чего хотят многие мусульмане», – пояснил другой салафит¹⁶⁵.

ИГ – единственный джихадистский проект, который приглашает боевиков вместе с семьями. В отличие от «ан-Нусры», где женщины лишь в виде исключения могут находиться вместе с мужьями вблизи передовой, в ИГ мужчины воюют, а потом возвращаются домой к семьям. Многим это импонирует. Поскольку ИГ воспринимается как долгосрочный проект, он притягивает и молодых радикально настроенных женщин, мечтающих выйти замуж за моджахеда. «Лучше быть вдовой шахида (мученика), чем женой труса», – популярный лозунг в таких кругах. По имеющейся информации, в ИГ не хватает русскоговорящих жен. Сирийцы не выдают своих женщин замуж за иностранных боевиков, так что вербовка русскоговорящих невест имеет большой приоритет¹⁶⁶.

К ИГ присоединяется много вдов убитых членов подполья. В России жизнь таких вдов и женщин, чьи мужья осуждены за преступления, связанные с деятельностью подполья, практически невыносима. При попытке найти работу или снять квартиру они наталкиваются на почти непреодолимые препятствия; у детей возникают проблемы в школе; в Дагестане вдовы жаловались, что не получают государственные пенсии на детей; многие просто борются за выживание¹⁶⁷. Не имея возможности ни выразить недовольство, ни изменить свое положение в России, эти женщины пребывают в отчаянии.

Так называемый «махачкалинский женский джамаат» (группа молодых женщин, которые выходили замуж за боевиков, а после того как их первого мужа убивали, снова выходили замуж за джихадистов) силовики обвиняли в том, что они пособницы или прямые участницы подполья. Эти женщины были большой головной болью для местных силовых структур, но в последнее время большинство из них (особенно вдовы), по всей вероятности, переселились на Ближний Восток¹⁶⁸. Некоторые уехали в Турцию, но основная часть – в ИГ, где можно получить социальную помощь. «В нашем селе был дом для вдов с детьми. Там они могли бесплатно жить, соседи им помогали. Сейчас дом стоит пустой. Все разъехались», – сказал авторитетный салафит из северного Дагестана¹⁶⁹.

¹⁶⁵ Интервью Кризисной группы, очное и через Skype, Стамбул, декабрь 2015 г.

¹⁶⁶ Интервью Кризисной группы с Джоанной Парашук, Лондон, декабрь 2015 г.

¹⁶⁷ Интервью Кризисной группы с женами осужденных боевиков, Избербаш, Дагестан, ноябрь 2015 г.

¹⁶⁸ Наблюдения Кризисной группы, интервью с активистами-салафитами, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹⁶⁹ Интервью Кризисной группы с авторитетным салафитом, Хасавюртовский район, Дагестан, ноябрь 2015 г.

Гораздо меньше информации об одиноких чеченках, отправляющихся в Сирию. Единственный широко известный случай – Седы Дудуркаевой, 20-летней красавицы, дочери главы УФМС, которая в 2013 году уехала в Сирию, где вышла замуж за молодого чеченского боевика в ИГ. Вскоре мужа Седы убили, после чего, по сообщениям, ее взял в жены Умар Шишани¹⁷⁰. Поступок Седы дорого обошелся ее семье, на которую, насколько известно, обрушились гонения со стороны чеченских властей, когда они узнали, кто стал ее вторым мужем¹⁷¹.

«Случаи, когда уезжают одинокие женщины, тщательно скрываются, о них не сообщают», – рассказала чеченская активистка. Возможно, это обусловлено сильным влиянием традиций, которые не позволяют одиноким женщинам принимать такие эмансипированные решения, и это считается большим позором для семьи. По имеющимся данным, количество семей, переселившихся в ИГ из Чечни, тоже невелико, что можно объяснить традицией держать женщин и детей подальше от зоны боевых действий. Большинство чеченских семей, которые оказываются в ИГ, вероятнее всего, едут из диаспор. Как отметила активистка, «участились случаи отъезда детей чеченских чиновников и элиты», что является проявлением протеста и бунта¹⁷².

Мало кто поддерживал ИГ, пока оно не захватило территорию и ресурсы и не доказало свою способность управлять ими. Для вербовки новых сторонников ИГ важно демонстрировать, что они всегда на коне и способны показать результат. По сообщениям из многих источников, военные поражения, неизбежные бомбардировки и проблемы в сфере управления уже пошатнули привлекательность ИГ на Северном Кавказе и повлияли на их способность вербовать новобранцев¹⁷³.

С. Социальная поддержка и месть

ИГ позиционирует себя как эгалитарный социальный проект. На постсоветском пространстве понятие «справедливость» ассоциируется с социальным равенством, трудоустройством и определенного уровня дохода, которые должно обеспечить государство. На Северном Кавказе авторитаризм, клановость, неравенство и экономика, погрязшая в коррупционных практиках госчиновников, ведут к разочарованию среди молодежи, которая не может достойно жить на родине. Многие окончили местные вузы и рассчитывают на хорошую работу, но рабочих мест мало, а те, что есть – физический, низкооплачиваемый труд. Не имея дохода, они не могут жениться, завести детей. «Общее для большинства завербованных, – отмечает чеченская журналистка, – это то, что они либо безработные, либо не смогли найти работу по душе. Вот почему намного чаще уезжает сельская молодежь. У молодых людей в Грозном больше возможностей»¹⁷⁴.

ИГ предоставляет переселенцам квартиры, отобранные у выселенных «неверных», и платит пособия в размере 100 долларов на мужчину, 50 – на жен-

¹⁷⁰ «Дочь уволенного Кадыровым главы УФМС вышла замуж за боевика в Сирии», Lifenews, 2 декабря 2013 г. «Дочь чеченского министра стала женой лидера „ИГ“ (ВИДЕО)», Anspress, 30 октября 2014 г.

¹⁷¹ Интервью Кризисной группы через Skype с чеченскими активистами, февраль 2016 г.

¹⁷² Интервью Кризисной группы через Skype с чеченскими активистами, февраль 2016 г.

¹⁷³ Интервью Кризисной группы с экспертами, активистами, Дагестан, Стамбул, ноябрь–декабрь 2015 г.

¹⁷⁴ Интервью Кризисной группы через Skype с чеченским журналистом, январь 2016 г.

щину, и 35 – на ребенка. Мужчины получают пособие только в том случае, если воюют или работают в полиции. «Если не хочешь воевать, никто тебя не заставит, но в таком случае придется самому зарабатывать на жизнь. Об этом большинство узнает лишь тогда, когда они приезжают в ИГ», – рассказал очевидец¹⁷⁵.

В своей пропаганде Умар Шишани подчеркивает, что теперь он может прокормить не только себя, но и своих братьев на родине. По словам эксперта, «все знают, что Умар много зарабатывает на военных трофеях, а деньги – это как раз то, на что рассчитывали лидеры северокавказского подполья, принося присягу ИГ, и на что надеются уезжающие в ИГ»¹⁷⁶. Пока, однако, никакого дополнительного финансирования подполью не поступало, и в этом видят главную причину, почему его активность за прошедший год была минимальной¹⁷⁷.

Другой существенной мотивацией в пользу ИГ является его ответ на воспринимаемые унижения мусульман во всем мире. Видеосюжеты о зверствах, предположительно совершенных сирийской армией, и жертвах среди мирного населения, которое пострадало от бомбардировок западных стран и России, играют центральную роль в пропаганде. Как объяснил один из салафитских лидеров, «иногда ощущаешь, что несправедливость подступает к самому горлу, чувствуешь бессилие и злость, и кажется, что кратчайший путь к тому, чтобы восстановить баланс – отомстить». Еще один уважаемый салафит пояснил: «Жажда мести огромна, и они хотят мстить театрально, так, как ИГ»¹⁷⁸. Фактор мести играет большую роль особенно среди чеченцев из диаспор, которые помнят жестокость войны. Как поется в песне Тимура Муцураева, знаменитого барда военного времени, популярной в блогах чеченцев воюющих за пределами России, «Я остался в живых для того, чтобы жить. Я остался в живых для того, чтобы верить. Я остался в живых для того, чтобы мстить. Нас так много таких, и нас не изменят»¹⁷⁹.

Жесткие репрессии подталкивают молодежь к крайней радикализации и вооруженному джихаду. «Эта молодежь рассуждает примитивно. Они не понимают долгосрочных стратегий, – заметил салафит из Кабардино-Балкарии, живущий в Стамбуле. – Им нужны простые лозунги здесь и сейчас. Государство десятилетиями способствовало их радикализации, так что они симпатизируют самым радикальным движениям, а если возникнет движение еще кровавее, они пойдут за ним»¹⁸⁰.

Идеология такфиризма освобождает своих последователей от ограничений, налагаемых традициями и семейными узами, и упрощает убийство себе подобных, ведь, по его логике, всякий, кто не признает халифа, является вероотступником, а значит легитимной целью.

Не все, кто едут в ИГ, жаждут крови. Многие пытаются списать рассказы о зверствах ИГ на происки западной, российской, асадовской или иранской про-

¹⁷⁵ Интервью Кризисной группы с очевидцем, прожившим пять месяцев в ИГ, горный Дагестан, ноябрь 2015 г.

¹⁷⁶ Интервью Кризисной группы с Джоанной Парашук, Лондон, декабрь 2015 г.

¹⁷⁷ Интервью Кризисной группы с салафитскими лидерами, экспертами, Дагестан, ноябрь 2015 г.

¹⁷⁸ Интервью Кризисной группы с салафитским лидером, север Дагестана, ноябрь 2015 г.

¹⁷⁹ Тимур Муцураев «Я остался в живых, чтобы мстить», Youtube.com, 25 августа 2013 г.

¹⁸⁰ Интервью Кризисной группы через Skype с кабардинским мигрантом в Стамбуле, декабрь 2015 г.

паганды. По словам интеллектуала-салафита, живущего в Стамбуле, «удивительно, как они стараются искать оправдания. Они говорят „это не доказано“, „нет шариатских доказательств“. Они стараются не думать об этом»¹⁸¹. Однако по приезду всем приходится столкнуться с крайней жестокостью. Те, кто отправился в ИГ, руководствуясь романтическими представлениями, неизбежно разочаровываются. Стратегия ИГ заключается в том, чтобы вначале заманить, а потом радикализовать еще больше, утверждает активист из числа фундаменталистов:

«В какой-то момент неоправданные ожидания трансформируются. ИГ требует убивать – и человек соглашается. У него нет пути назад, и его убедили, что жертва заслуживает смерти. Если я убежден, что человек заслуживает смерти, для меня не составит проблемы убить. Жестокость как мускул – ее легко накачать»¹⁸².

Д. Эффективная пропаганда

ИГ профессионально себя продвигает. «Это государство лозунгов», – отметил дагестанский салафит¹⁸³. Нигде в мире усилия, прилагаемые для идеологического противодействия этой пропаганде, не оказались в достаточной степени успешны. С июля 2015 года ИГ консолидировало пропаганду, ориентированную на русскоязычную аудиторию, в новом русскоязычном «Фурат Медиа»; в каждом военном отряде ИГ, по сообщениям, есть оператор или медиаспециалист. До этого основным ресурсом был личный сайт Умара Шишани FiSyria, который вел Абу Джихад. Здесь на протяжении двух с половиной лет публиковались новости и видеоматериалы ИГ. «Фурат Медиа» – более стратегический и профессиональный ресурс. Помимо новостей, он издает красочный журнал «Исток». Сегодняшняя радикальная мусульманская молодежь мало читает, поэтому яркие, простые, «голливудские» картинки и видео с черными флагами и спецэффектами пользуются гораздо большей популярностью. Стратегическая видеопродукция ИГ быстро переводится с арабского на русский; она направлена не только на вербовку новых боевиков, но также на информирование и идеологическую обработку уже имеющегося русскоговорящего сообщества в ИГ. На радиостанции ИГ «Аль-Баян» тоже ежедневно выходят передачи на русском языке¹⁸⁴.

Главным каналом вещания «Фурат Медиа» является Твиттер, через который также распространяют сообщения его сателлиты. Российские власти приложили значительные усилия к тому, чтобы очистить рунет от джихадистской пропаганды. По словам эксперта, «ИГ в основном использовал «ВКонтакте» [русскоязычный аналог Фейсбука], Имарат Кавказ – Фейсбук; Вилайт Кавказ сейчас пользуется мессенджером для смартфонов «Телеграм». Однако русскоязычные социальные медиа очень эффективно блокируют джихадистские материалы»¹⁸⁵. Как заявил руководитель ФСБ РФ Александр Бортников, в 2015 году

¹⁸¹ Интервью Кризисной группы, Стамбул, декабрь 2015 г.

¹⁸² Интервью Кризисной группы, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹⁸³ Интервью Кризисной группы с активистом-салафитом, Дагестан, Махачкала, ноябрь 2015 г.

¹⁸⁴ Европол, указ. соч.

¹⁸⁵ Интервью Кризисной группы с Джоанной Парашук, Лондон, ноябрь 2015 г.

властями было заблокировано более 3 тыс. таких информационных ресурсов¹⁸⁶. И все равно к ним можно получить доступ через прокси-серверы и мессенджеры – у ИГ по-прежнему как минимум два активных канала в «Телеграме».

¹⁸⁶ ТАСС, 15 декабря 2015 г., указ.соч.

V. Профилактика и дерадикализация

Культура ИГ, предполагающая социализацию детей и подростков в вооруженном джихаде и банализацию самоподрывов смертников, создает поколение молодежи, выращенное на ультрарадикальной, экстремистской идеологии, которое в будущем может стать серьезным вызовом безопасности. Тренировочные лагеря, свободно действовавшие в Чечне между двумя войнами (1996–1999), воспитали поколение джихадистов, создавших боевые ячейки по всему Северному Кавказу, и приложивших руку к возникновению общерегионального проекта Имарат Кавказ¹⁸⁷. При выработке глобальных стратегий борьбы с ИГ необходимо учитывать и этот опыт. Из анализа побудительных причин джихадизма в Ираке и Сирии следует, что если ИГ перестанет быть успешным проектом, контролирующим большую территорию, с претензией на функционирующее государство, оно утратит значительную часть своей притягательной силы. Ввиду недавних военных потерь среди радикальной молодежи растет понимание того, что ИГ отнюдь не самое прекрасное место для начала новой жизни с семьей, как это преподносит его пропаганда.

В России – острейшая нехватка справедливости: отсутствие верховенства права, неподотчетность властей, невозможность общественности влиять на процесс принятия решений; низкое качество государственного управления; коррупция; экономическая отсталость создают благоприятную почву для процветания джихадистской идеологии¹⁸⁸. Тем, кто формирует политику в России, следует признать, что ИГ манипулирует законным недовольством, накопившимся на Северном Кавказе, эксплуатирует его, а также пользуется чувством ущемленности в правах, униженности, гонимости, которое господствует среди в большинстве своем не склонных к насилию мусульман-фундаменталистов.

По словам влиятельного молодого салафита, «радикализация – это процесс, состоящий из множества мелких эпизодов, происшествий, случаев несправедливости, унижений достоинства. Такие эпизоды складываются в мозаичную картину мира, и в какой-то момент человек решает, что не может ее принять, и хочет объявить ей войну»¹⁸⁹. Радикальная исламистская идеология предлагает такой план действий уже обозленным молодым людям и тем, кто хочет реализовать свои амбиции или улучшить материальное положение, канализировав этот гнев. Однако нередко радикализация предшествует исламизации, и необходимо разбираться с ее причинами. Российские должностные лица утверждают, что их опыт борьбы с терроризмом на Северном Кавказе – единственный успешный пример дерадикализации, но их политика имеет мало общего с дерадикализацией как таковой¹⁹⁰. Нынешнее сокращение насилия связано с военным поражением подполья, помноженным на экспорт северокавказского джихада на Ближний Восток. России нужно сконцентрировать существенные усилия на дерадикализации и активной контрпропаганде. Уважительное обращение с консервативными мусульманами, особенно салафитами, и отсутствие политического давления могут стать важными первыми шагами в этом направлении.

¹⁸⁷ Доклад Кризисной группы, «Сложности интеграции (I)», указ. соч., с. 13–14.

¹⁸⁸ См. доклад Кризисной группы, «Сложности интеграции (IV)», указ. соч.

¹⁸⁹ Интервью Кризисной группы с авторитетным салафитом, Дагестан, декабрь 2015 г.

¹⁹⁰ «Если ничего не предпринимать, то террористическая угроза приобретет для нас еще более серьезные масштабы», Коммерсант, 20 ноября 2015 г.

Мигрант из Кабардино-Балкарии поделился своей историей:

«[Уехав с Кавказа], я поселился в черкесском селе в Турции и работал на стройках. Было очень трудно зарабатывать на жизнь, но турки с большой поддержкой и гостеприимством относятся к мигрантам с Кавказа. Вокруг меня были люди очень умеренных взглядов. Каждую свободную минуту я старался изучать Коран, искал людей, подкованных в исламе, учился у них [...] Никто не меня не беспокоил и не задавал никаких вопросов. Раньше я поддерживал Имарат Кавказ [...], но теперь думаю, что все эти радикальные течения – это ошибка»¹⁹¹.

Однако одного изменения условий часто недостаточно. Для выработки стратегий важно хорошо изучить пути, механизмы и этапы радикализации и выявить круг акторов, способных повлиять на эти процессы. У родственников и полиции мало возможностей повлиять на тех, кто встал на пути радикализации. «Светской логикой религиозные аргументы не пробьешь, – заметил отец человека, раньше воевавшего в Сирии. – Чаще всего родители таких детей нерелигиозны, а если религиозны, то совсем по-другому». О том же говорит молодая женщина-салафитка из Дагестана:

«Наш участковый [был] одноклассником моего отца. Он пришел к нам домой и стал объяснять мне, что моя мусульманская одежда неуместна, что наша религия изначально возникла среди арабов, которым приходилось носить такую одежду, чтоб защитить кожу от прямых лучей палящего солнца. Он пытался убедить меня, что мне надо жить в соответствии с традициями моего общества. А я про себя смеялась над ним»¹⁹².

Тем не менее, родственники и полиция могут помочь друг другу при первых признаках беды. Родители, больше всего заинтересованные в спасении жизни своих детей, должны быть первейшими союзниками государства в процессе дерадикализации. На Северном Кавказе же, напротив, на них обычно смотрят с подозрением и, как правило, подвергают гонениям за выбор, сделанный детьми, особенно в Чечне¹⁹³. А между тем им нужно объяснять, что важно направить своих детей к заслуживающим доверия духовным лидерам или профессиональным специалистам по дерадикализации. Полиции необходимо предотвращать физический отъезд потенциальных джихадистов на Ближний Восток, но при этом уважать их достоинство и права человека и действовать при поддержке специалистов по дерадикализации. Применяемый в Дагестане профучет неэффективен. Необходимо выработать более сложные методы отслеживания, профилактики и контроля, а возбуждение уголовных дел и задержания должны происходить на основе убедительных доказательств и в рамках закона.

Официальное духовенство играет важнейшую роль в общей профилактике и разъяснении мирного ислама, но оно едва ли способно повлиять на фундаменталистскую молодежь, для которой не является авторитетом в силу своего сотрудничества с властями и догматических разногласий. Фундаменталистское мусульманское духовенство и активисты-салафиты могли бы оказать самую

¹⁹¹ Интервью Кризисной группы, Стамбул, декабрь 2015 г.

¹⁹² Интервью кризисной группы, Дагестан, ноябрь–декабрь 2015 г.

¹⁹³ «Расплата за детей. Поджоги домов в Чечне как средство коллективного наказания», Хьюман Райтс Вотч, 2 июля 2009 г.

большую помощь в вызволении уже радикализовавшихся молодых людей из экстремистских группировок, пропагандирующих насилие, но властям непросто наладить с ними сотрудничество. Часто эти лидеры принадлежат к общинам, к которым государства относятся с подозрением, и сами они не доверяют властям и не горят желанием сотрудничать. Немногочисленных умеренные ученые-салафиты в России находятся под давлением силовых структур, а в Дагестане некоторым из них угрожали расправой сторонники ИГ.

Идеологическое противодействие радикализации должно основываться на салафитской религиозной аргументации. Салафитский лидер рассказал:

«Недавно родители попросили меня поговорить с их сыном. Они нашли ему хорошую работу, но он ее провалил. Он абсолютно не разбирался в исламе, но решил уехать в ИГ. Я напомнил ему о главном принципе – Единобожии. Между тобой и Аллахом не должно быть посредников. Ты собираешься следовать за каким-то непонятным халифом, которого не признал ни один мусульманский ученый [...], а он прикажет тебе пойти и перерезать кому-то горло. Ты пойдешь и перережешь. И как ты собираешься объяснять это Аллаху?? Почему ты поставил этого человека между собой и Богом и совершил преступление по его приказу? Лучше уж [...] быть убитым, чем сделать такое». В итоге парень не поехал¹⁹⁴.

Уважение к матери имеет высокую ценность в исламе, который требует получить ее разрешение для того, чтобы уйти на необязательный джихад, и как минимум информировать о намерении присоединиться к обязательному. «Рай – под ногами матерей», – сказал пророк Мухаммад¹⁹⁵. Иногда и этот фактор можно использовать как превентивную меру. Нужно, чтобы матери нынешних и потенциальных боевиков ИГ максимально конструктивно взаимодействовали с властями в интересах своих детей. А в некоторых случаях хороший профилактический эффект могут произвести рассказы о том, какие страдания испытывали родители из-за отъезда ребенка на вооруженный джихад¹⁹⁶.

Необходимо объединить интеллектуальные ресурсы и техники с целью выработать подробную, последовательную методику и программы выхода, основанные на религиозной аргументации как части любой несиловой стратегии дерадикализации. В процессе должны участвовать практики, независимые эксперты, работающие на местах, психологи, непредвзятые сотрудники силовых структур, умеренные фундаменталистские лидеры. На арабском языке есть простые, доступные материалы с картами и видео, разъясняющие с точки зрения салафизма, почему ИГ противоречит законам шариата. Нужно, среди прочего, делать доступные интерактивные сайты с переводом наиболее важных арабских текстов, с лекциями и уроками местных исламских ученых. Контрпропаганда в социальных медиа тоже должна быть креативной, свежей и профессиональной. В равной степени важны и личные контакты с независимыми исламскими учеными, уважаемыми фундаменталистской молодежью. «Единственный способ предотвратить радикализацию – убеждать [...] Нам нужно создавать как можно больше дискуссионных площадок и разрешать

¹⁹⁴ Интервью Кризисной группы, Махачкала, декабрь 2015 г.

¹⁹⁵ “Mothers of ISIS” [«Матери ИГИЛ»], The Huffington Post.

¹⁹⁶ «Матери погибших парней в Сирии: „Ребята не делайте нам больно ...”», официальный сайт администрации города Махачкалы, 8 декабря 2015 г.

свободную, компетентную дискуссию под руководством людей, которые хорошо разбираются в религии», – сказал чеченский журналист¹⁹⁷.

Нет одного пути и устойчивого набора социально-экономических или психологических характеристик, которые приводят людей на путь вооруженного джихада. Вместе с тем эксперты и религиозные лидеры согласны в том, что большинству джихадистов недостает образования – как исламского, так и светского, – и все они охвачены возмущением из-за реальной и воспринимаемой ими несправедливости мира. Как сказал один из старших лидеров салафитов, «эта молодежь находится в кризисе, она дезориентирована»¹⁹⁸. Со времен СССР качество образования на Северном Кавказе резко упало. Россия инвестирует в инфраструктуру, но коррупция и нехватка учителей остаются систематическими проблемами.

Безработица и отсутствие самореализации способствуют радикализму. «Необходимо сделать эту молодежь востребованной, – сказала чеченская активистка, ведущая молодежные проекты. – Нам нужно вовлекать их не в бесконечные патриотические клубы, а в [...] деятельность, соответствующую их потребностям и интересам. Нельзя, чтобы они чувствовали себя на обочине этой жизни и с большим количеством свободного времени»¹⁹⁹. Традиционно высокий уровень рождаемости увеличивает нагрузку на социальную инфраструктуру. В регионе меньше всего в России спортивных объектов и учреждений культуры на душу населения; закрылись многие библиотеки, театры, детские художественные школы и развлекательные центры²⁰⁰. Властям следует перенастроить молодежную политику и перенаправить средства на расширение возможностей в сфере культуры, отдыха и спорта.

И наконец, очень важно создавать контролируемые, но безопасные каналы возвращения. По словам главы ФСБ Бортникова, из 2900 россиян, уехавших воевать в Сирию и Ирак, вернулись 214 человек: «Все они взяты под плотный контроль правоохранительных органов – 80 осуждены, 41 арестован»²⁰¹. Множество источников подтвердило, что значительная часть тех, кто уехал в ИГ, очень хочет вернуться домой²⁰². Женщины отчаянно хотят убежать отсюда, особенно после того, как убивают их мужей. Возвращение затруднено, а за нелегальную переправку через границу, насколько известно, берут по несколько тысяч долларов. В ИГ у жителей отбирают паспорта, и бежать отсюда крайне опасно, а для вдов почти невозможно²⁰³.

В России всем вернувшимся, включая быстро разочаровавшихся молодых людей и женщин, стремящихся вырваться из Сирии, грозит длительный срок лишения свободы. Всем им предъявляют обвинения в участии в незаконных вооруженных формированиях за рубежом (статья 208) либо в терроризме (статья 205). Статьей 208 предусматривается освобождение от уголовной ответственности, если человек добровольно прекратил участие в незаконном вооруженном формировании, но эта норма редко применяется к вернувшимся из

¹⁹⁷ Интервью Кризисной группы через Skype чеченским журналистом, январь 2016 г.

¹⁹⁸ Интервью Кризисной группы с салафитским лидером, Махачкала, январь 2016 г.

¹⁹⁹ Интервью Кризисной группы через Skype, январь 2016 г.

²⁰⁰ См. доклад Кризисной группы, «Сложности интеграции (IV)», указ. соч., с. 23.

²⁰¹ ТАСС, 15 декабря 2015 г., указ. соч.

²⁰² Интервью Кризисной группы с экспертами, правозащитниками, активистами-салафитами, Дагестан, Турция, ноябрь–декабрь 2015 г.

²⁰³ Интервью Кризисной группы с салафитским лидером, Стамбул, декабрь 2015 г.

Сирии. А между тем важно пользоваться ею чаще применительно к тем, кто не представляет угрозы с точки зрения безопасности и готов участвовать в контр-пропаганде.

Иногда дела фабрикуют. Кризисной группе известно о нескольких случаях, когда в Дагестане боевиков, побывавших в Сирии до введения в России уголовной ответственности за такие действия, под пытками заставляли признаться в том, что они воевали там уже после криминализации такой деятельности²⁰⁴. Следователи порой плохо разбираются в хитросплетениях сирийского конфликта. Например, в Ингушетии возбудили уголовное дело против двух ингушских мужчин за участие «в антиправительственном незаконном вооруженном формировании „Джейш-аль-Мухаджирин Валь-Ансар“, структурно входящем в незаконное вооруженное формирование „Исламское государство“», – притом что оно, как говорилось выше, воюет на стороне «ан-Нусры» против ИГ²⁰⁵.

Боевики, возвращающиеся из ИГ, – это новое, более опасное поколение джихадистов, и с их реинтеграцией связаны особые сложности. Россия, как и большинство стран, следует стратегии сажать всех в тюрьму²⁰⁶. Однако многие из вернувшихся разочаровались в ИГ и не совершали насильственных действий. «Многие из возвращающихся и тех, кого остановили на границе, совсем молодые, им по 16–17 лет. Они до конца не понимали, во что ввязались, а теперь их приговаривают к пяти-шести годам тюрьмы. И что будет с ними по окончании этого срока?» – задается вопросом чеченская журналистка²⁰⁷. В России, как и в Европе, тюрьмы способствуют радикализации²⁰⁸. «Огромная ошибка сажать всех в тюрьму, особенно тех, кто так и не добрался до Ближнего Востока, – отметила эксперт по Чечне. – Они не только сами радикализуются, но и влияют на других. Я знаю случаи, когда пожилые и образованные заключенные становились приверженцами ИГ в тюрьме. Разумные силовики понимают и признают это»²⁰⁹. Необходимо, чтобы российские власти выработали специальные меры по предотвращению радикализации в тюрьмах, однако длительное одиночное заключение не может быть решением.

Как уже отмечалось, в четырех северокавказских республиках в 2010–2012 годах существовали комиссии по адаптации боевиков, гарантировавшие безопасное возвращение к мирной жизни. После Олимпиады в Сочи такая комиссия продолжала работать лишь в Ингушетии. В феврале 2016 года комиссия в

²⁰⁴ «Моего брата заставили признаться, что он воевал с „Хезболлой“ против Асада». Интервью Кризисной группы с родственником, Дагестан, ноябрь 2015 г.

²⁰⁵ «В отношении двух жителей республики возбуждены уголовные дела по подозрению в участии на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства», <http://ingushetia.sledcom.ru>.

²⁰⁶ Перед своей гибелью, амир ИК Мухаммад Гимринский назначил амиром горного сектора вилайята Дагестан Абу Дужана – джихадиста, ранее воевавшего в Сирии. «Подготовка теракта в Москве: диверсанты были двойными агентами?», МК.ру, 12 октября 2015 г.

²⁰⁷ Интервью Кризисной группы через Skype чеченским журналистом, январь 2016 г.

²⁰⁸ «From jail to jihad? The threat of prison radicalisation» [«Из тюрьмы на джихад? Угроза радикализации в тюрьмах»], BBCNews, 12 мая 2014 г.

²⁰⁹ Интервью Кризисной группы через Skype Еленой Милашиной из «Новой газеты», январь 2016 г.

Кабардино-Балкарии рассмотрела первое дело за четыре года. Нужно тщательно изучить опыт Ингушетии и опыт аналогичной программы в Дании²¹⁰.

Наиболее убедительным средством профилактики против вербовки в Ирак и Сирию могут служить рассказы тех, кто, разочаровавшись, вернулся домой. Власти Чечни успешно использовали рассказ одного из таких молодых людей, Саида Мажаева, в пропаганде против ИГ. Он выступал по телевидению, участвовал в молодежных круглых столах по всей Чечне и получил всего восемь месяцев лишения свободы²¹¹. Один источник утверждает, что некоторые из сбежавших из ИГ настолько злы, что хотят отомстить своим вербовщикам: «Я знаю одного молодого человека, с чьей матерью очень плохо обошлись в ИГ. Он сбежал и собирался устроить иштихадию [самоподрыв смертника] против ИГ»²¹². Те, кто еще раздумывает, не присоединиться ли им, должны знать такие истории.

²¹⁰ “For Jihadists, Denmark Tries Rehabilitation” [«Дания пробует адаптировать джихадистов»], The New York Times, 13 декабря 2014 г.; “The making of a French jihadi” [«Как становятся французскими джихадистами»], FT.com, 26 января 2015 г.

²¹¹ «Боевики из Сирии Саид Мажаев вернулся домой в Чечню», Youtube.com, 7 марта 2015 г. Инна Бленаова – жена Роберта Занкишиева, который принял присягу ИГ, и был убит силовиками 10 ноября 2015 г. «Комиссия по адаптации боевиков в Нальчике пообещала помочь Инне Бленаовой», Кавказский узел, 18 февраля 2016 г.

²¹² Интервью Кризисной группы с мигрантом с Северного Кавказа, Стамбул, декабрь 2015 года.

VI. Заключение

В 2015 году произошла серьезная идеологическая трансформация северокавказского вооруженного подполья и его ребрендинг в «провинцию» ИГ. Однако «Халифат отметил свое присутствие на Кавказе молчанием»²¹³. В 2015 году единственные известные нападения сторонников ИГ в регионе произошли в Дагестане и свелись к убийству имама сельской мечети, расстрелу семьи гадалки и нападению на крепость в Дербенте, в результате которого в конце года был убит один человек и ранены 11²¹⁴. В феврале 2016 года ИГ взяло на себя ответственность за самоподрыв смертника на юге Дагестана, в результате которого было убито четыре человека и ранены 18 человек²¹⁵. Присягнувшие ИГ боевики ждали финансовой помощи, но она не пришла. До сих пор ИГ не пыталось использовать Северный Кавказ в своих политических целях, и российские силовые структуры держат ситуацию под контролем.

Вместе с тем угрозы в сфере безопасности серьезны. Джихадисты с Северного Кавказа превратились в участников глобальных событий: они сыграли ключевую роль в некоторых крупнейших военных операциях ИГ в Сирии и возглавляют некоторые наиболее активные джихадистские группировки в Сирии и Ираке. Они регулярно угрожают России и ее лидерам, пристально следят за событиями в стране и выпускают заявления, направленные на подстрекательство молодежи к терактам. В регионе действуют джихадистские группировки, пусть ослабленные и малочисленные; по всей России возникают ячейки и сети, прочно связанные с ближневосточными группировками. ИГ может использовать свою базу поддержки на Северном Кавказе для осуществления крупных нападений на территории России.

Тем временем отток джихадистов с Северного Кавказа в Сирию продолжается. Предлагаемая ИГ смесь шокирующего насилия и мнимой стабильности и жизни с достоинством привлекает как мужчин, так и женщин. Сочетание мощного религиозного посыла, успехов на земле, крайне агрессивной тактики ведения войны, позитивной социальной повестки и мощной пропаганды воодушевило тысячи людей. ИГ использует в своих целях неразрешенные проблемы, послужившие причиной северокавказского конфликта. Российским политикам следует признать, что ИГ эксплуатирует законное недовольство, вызванное неравенством, отсутствием экономических возможностей и чувством ущемленности в связи с нарушением самых базовых прав, порой крайне жестокими методами, которое есть среди мусульман-фундаменталистов. Если Кремль хочет закрыть для ИГ новый фронт и важный источник для вербовки людей, ему следует стремиться к созданию более открытой и справедливой системы государственного управления в регионе, добиваться соблюдения принципа верховенства права, прекратить уголовное преследование религиозных диссидентов, продолжать инвестиции в социально-экономическое развитие (особенно в образование) и стремиться чаще применять несиловые методы.

Брюссель, 16 марта 2016 г.

²¹³ Интервью Кризисной группы с главным редактором «Кавказского узла» Григорием Шведовым, Москва, 2015 г.

²¹⁴ См. «Имам Магомед Хидиров убит в Дагестане», «Семья гадалки убита в Дагестане», Кавказский узел, 9 сентября 2015 г., 15 сентября 2015 г.; «В Дербенте обстреляли туристов перед крепостью Нарын Кала», ТАСС, 30 декабря 2015 г.

²¹⁵ «Дагестан-хроника террора (1996–2016)», Кавказский узел, 17 февраля 2016 г.

Приложение А: Карта Северного Кавказа и части Ближнего Востока

Приложение В: О Международной кризисной группе

The International Crisis Group (Crisis Group) is an independent, non-profit, non-governmental organisation, with some 120 staff members on five continents, working through field-based analysis and high-level advocacy to prevent and resolve deadly conflict.

Crisis Group's approach is grounded in field research. Teams of political analysts are located within or close by countries or regions at risk of outbreak, escalation or recurrence of violent conflict. Based on information and assessments from the field, it produces analytical reports containing practical recommendations targeted at key international, regional and national decision-takers. Crisis Group also publishes *CrisisWatch*, a monthly early warning bulletin, providing a succinct regular update on the state of play in up to 70 situations of conflict or potential conflict around the world.

Crisis Group's reports are distributed widely by email and made available simultaneously on its website, www.crisisgroup.org. Crisis Group works closely with governments and those who influence them, including the media, to highlight its crisis analyses and to generate support for its policy prescriptions.

The Crisis Group Board of Trustees – which includes prominent figures from the fields of politics, diplomacy, business and the media – is directly involved in helping to bring the reports and recommendations to the attention of senior policymakers around the world. Crisis Group is co-chaired by former UN Deputy Secretary-General and Administrator of the United Nations Development Programme (UNDP), Lord Mark Malloch-Brown, and the professor of International Relations at Sciences-Po (Paris) and the founding dean of its Paris School of International Affairs, Ghassan Salamé. Its Vice Chair is Ayo Obe, a Legal Practitioner, Columnist and TV Presenter in Nigeria.

Crisis Group's President & CEO, Jean-Marie Guéhenno, served as the UN Under-Secretary-General for Peacekeeping Operations from 2000-2008, and in 2012, as Deputy Joint Special Envoy of the United Nations and the League of Arab States on Syria. He left his post as Deputy Joint Special Envoy to chair the commission that prepared the white paper on French defence and national security in 2013. Crisis Group's international headquarters is in Brussels, and the organisation has offices in nine other locations: Bishkek, Bogota, Dakar, Islamabad, Istanbul, Nairobi, London, New York, and Washington DC. It also has staff representation in the following locations: Bangkok, Beijing, Beirut, Caracas, Delhi, Dubai, Gaza City, Guatemala City, Jerusalem, Johannesburg, Kabul, Kiev, Mexico City, Rabat, Sydney, Tunis, and Yangon.

Crisis Group receives financial support from a wide range of governments, foundations, and private sources. Currently Crisis Group holds relationships with the following governmental departments and agencies: Australia (Department of Foreign Affairs and Trade), Austria (Austrian Development Agency), Canada (Global Affairs Canada), Denmark (Ministry of Foreign Affairs), European Union (Instrument contributing to Stability and Peace), France (Ministry of Foreign Affairs), Germany (Federal Foreign Office), Japan (Ministry of Foreign Affairs), Ireland (Irish Aid), Principality of Liechtenstein, Luxembourg (Ministry of Foreign Affairs), The Netherlands (Ministry of Foreign Affairs), New Zealand (Ministry of Foreign Affairs and Trade), Norway (Ministry of Foreign Affairs), Sweden (Ministry of Foreign Affairs), Switzerland (Federal Department of Foreign Affairs), and United States (U.S. Agency for International Development).

Crisis Group also holds relationships with the following foundations: Adessium Foundation, Carnegie Corporation of New York, Global Dialogue, Henry Luce Foundation, Humanity United, John D. and Catherine T. MacArthur Foundation, Open Society Foundations, Open Society Initiative for West Africa, Ploughshares Fund, Robert Bosch Stiftung, Rockefeller Brothers Fund, and Tinker Foundation, Inc. Crisis Group is also grateful for its collaboration with Koerber Foundation.

March 2016

Приложение С: Доклады и брифинги Кризисной группы по Европе и Центральной Азии с 2013 года

As of 1 October 2013, Central Asia publications are listed under the Europe and Central Asia program.

Special Reports

Exploiting Disorder: al-Qaeda and the Islamic State, Crisis Group Special Report, 14 March 2016.

Ukraine

Ukraine: Running out of Time, Europe Report N°231, 14 May 2014.

Eastern Ukraine: A Dangerous Winter, Europe Report N°235, 18 December 2014.

The Ukraine Crisis: Risks of Renewed Military Conflict after Minsk II, Europe Briefing N°73, 1 April 2015.

Russia and the Separatists in Eastern Ukraine, Europe and Central Asia Briefing N°79, 5 February 2016.

Central Asia

Kazakhstan: Waiting for Change, Asia Report N°251, 30 September 2013.

Water Pressures in Central Asia, Europe and Central Asia Report N°233, 11 September 2014.

Syria Calling: Radicalisation in Central Asia, Europe and Central Asia Briefing N°72, 20 January 2015 (also available in Russian).

Stress Tests for Kazakhstan, Europe and Central Asia Briefing N°74, 13 May 2015.

Kyrgyzstan: An Uncertain Trajectory, Europe and Central Asia Briefing N°76, 30 September 2015.

Tajikistan Early Warning: Internal Pressures, External Threats, Europe and Central Asia Briefing N°78, 11 January 2016.

Balkans

Serbia and Kosovo: The Path to Normalisation, Europe Report N°223, 19 February 2013 (also available in Albanian and Serbian).

Bosnia's Dangerous Tango: Islam and Nationalism, Europe Briefing N°70, 26 February 2013 (also available in Bosnian).

Bosnia's Future, Europe Report N°232, 10 July 2014.

Macedonia: Defusing the Bombs, Europe Briefing N°75, 9 July 2015.

Caucasus

Abkhazia: The Long Road to Reconciliation, Europe Report N°224, 10 April 2013.

The North Caucasus: The Challenges of Integration (III), Governance, Elections, Rule of Law, Europe Report N°226, 6 September 2013 (also available in Russian).

Armenia and Azerbaijan: A Season of Risks, Europe Briefing N°71, 26 September 2013 (also available in Russian).

Too Far, Too Fast: Sochi, Tourism and Conflict in the Caucasus, Europe Report N°228, 30 January 2014 (also available in Russian).

Chechnya: The Inner Abroad, Europe Report N°236, 30 June 2015 (also available in Russian).

North Caucasus: The Challenges of Integration (IV): Economic and Social Imperatives, Europe Report N°237, 7 July 2015 (also available in Russian).

Cyprus

Divided Cyprus: Coming to Terms on an Imperfect Reality, Europe Report N°229, 14 March 2014 (also available in Greek and Turkish).

Turkey

Blurring the Borders: Syrian Spillover Risks for Turkey, Europe Report N°225, 30 April 2013.

Crying "Wolf": Why Turkish Fears Need Not Block Kurdish Reform, Europe Report N°227, 7 October 2013 (also available in Turkish).

The Rising Costs of Turkey's Syrian Quagmire, Europe Report N°230, 30 April 2014.

Turkey and the PKK: Saving the Peace Process, Europe Report N°234, 6 November 2014 (also available in Turkish).

A Sisyphean Task? Resuming Turkey-PKK Peace Talks, Europe Briefing N°77, 17 December 2015 (also available in Turkish).

Приложение D: Правление Международной кризисной группы

PRESIDENT & CEO

Jean-Marie Guéhenno

Former UN Under-Secretary-General for Peacekeeping Operations

CO-CHAIRS

Lord (Mark) Malloch-Brown

Former UN Deputy Secretary-General and Administrator of the United Nations Development Programme (UNDP)

Ghassan Salamé

Dean, Paris School of International Affairs, Sciences Po

VICE-CHAIR

Ayo Obe

Legal Practitioner, Columnist and TV Presenter, Nigeria

OTHER TRUSTEES

Morton Abramowitz

Former U.S. Assistant Secretary of State and Ambassador to Turkey

Fola Adeola

Founding Managing Director, Guaranty Trust Bank Plc; Founder and Chairman, FATE Foundation

Ali al Shihabi

Author; Founder and former Chairman of Rasmala Investment bank

Celso Amorim

Former Minister of External Relations of Brazil; former Defence Minister

Hushang Ansary

Chairman, Parman Capital Group LLC

Nahum Barnea

Political Columnist, Israel

Carl Bildt

Former Foreign Minister of Sweden

Emma Bonino

Former Foreign Minister of Italy and Vice-President of the Senate; Former European Commissioner for Humanitarian Aid

Lakhdar Brahimi

Member, The Elders; UN Diplomat; Former Foreign Minister of Algeria

Micheline Calmy-Rey

Former President of the Swiss Confederation and Foreign Affairs Minister

Cheryl Carolus

Former South African High Commissioner to the UK and Secretary General of the African National Congress (ANC)

Maria Livanos Cattai

Former Secretary-General of the International Chamber of Commerce

Wesley Clark

Former NATO Supreme Allied Commander

Sheila Coronel

Toni Stabile Professor of Practice in Investigative Journalism; Director, Toni Stabile Center for Investigative Journalism, Columbia University, U.S.

Mark Eyskens

Former Prime Minister of Belgium

Lykke Friis

Prorector For Education at the University of Copenhagen. Former Climate & Energy Minister and Minister of Gender Equality of Denmark

Frank Giustra

President & CEO, Fiore Financial Corporation

Alma Guillermoprieto

Writer and Journalist, Mexico

Mo Ibrahim

Founder and Chair, Mo Ibrahim Foundation; Founder, Celtel International

Wolfgang Ischinger

Chairman, Munich Security Conference; Former German Deputy Foreign Minister and Ambassador to the UK and U.S.

Asma Jahangir

Former President of the Supreme Court Bar Association of Pakistan; Former UN Special Rapporteur on the Freedom of Religion or Belief

Yoriko Kawaguchi

Former Minister for Foreign Affairs, Japan

Wadah Khanfar

Co-Founder, Al Sharq Forum; Former Director General, Al Jazeera Network

Wim Kok

Former Prime Minister of the Netherlands

Ricardo Lagos

Former President of Chile

Joanne Leedom-Ackerman

Former International Secretary of PEN International; Novelist and journalist, U.S.

Sankie Mthembu-Mahanyele

Chairperson of Central Energy Fund, Ltd.; Former Deputy Secretary General of the African National Congress (ANC)

Lalit Mansingh

Former Foreign Secretary of India, Ambassador to the U.S. and High Commissioner to the UK

Thomas R Pickering

Former U.S. Undersecretary of State and Ambassador to the UN, Russia, India, Israel, Jordan, El Salvador and Nigeria

Karim Raslan

Founder & CEO of the KRA Group

Olympia Snowe

Former U.S. Senator and member of the House of Representatives

George Soros

Founder, Open Society Foundations and Chair, Soros Fund Management

Javier Solana

President, ESADE Center for Global Economy and Geopolitics; Distinguished Fellow, The Brookings Institution

Pär Stenbäck

Former Minister of Foreign Affairs and of Education, Finland. Chairman of the European Cultural Parliament

Jonas Gahr Støre

Leader of Norwegian Labour Party; Former Foreign Minister

Lawrence H. Summers

Former Director of the U.S. National Economic Council and Secretary of the U.S. Treasury; President Emeritus of Harvard University

Wang Jisi

Member, Foreign Policy Advisory Committee of the Chinese Foreign Ministry; Former Dean of School of International Studies, Peking University

Wu Jianmin

Executive Vice Chairman, China Institute for Innovation and Development Strategy; Member, Foreign Policy Advisory Committee of the Chinese Foreign Ministry; Former Ambassador of China to the UN (Geneva) and France

PRESIDENT'S COUNCIL

A distinguished group of individual and corporate donors providing essential support and expertise to Crisis Group.

CORPORATE	INDIVIDUAL	
BP	(5) Anonymous	Herman De Bode
Investec Asset Management	Fola Adeola	Reynold Levy
Shearman & Sterling LLP	Scott Bessent	Alexander Soros
Statoil (U.K.) Ltd.	David Brown & Erika Franke	
White & Case LLP	Stephen & Jennifer Dattels	

INTERNATIONAL ADVISORY COUNCIL

Individual and corporate supporters who play a key role in Crisis Group's efforts to prevent deadly conflict.

CORPORATE	INDIVIDUAL	
APCO Worldwide Inc.	Anonymous	Rita E. Hauser
Atlas Copco AB	Samuel R. Berger	Geoffrey R. Hoguet & Ana Luisa Ponti
BG Group plc	Stanley Bergman & Edward Bergman	Geoffrey Hsu
Chevron		Faisal Khan
Edelman UK	Elizabeth Bohart	Cleopatra Kitti
Equinox Partners	Neil & Sandra DeFeo Family Foundation	Kerry Propper
HSBC Holdings plc		Robert C. Smith
MetLife	Sam Englehardt	Nina K. Solarz
Shell	Neemat Frem	
Yapı Merkezi Construction and Industry Inc.	Seth & Jane Ginns	
	Ronald Glickman	

AMBASSADOR COUNCIL

Rising stars from diverse fields who contribute their talents and expertise to support Crisis Group's mission.

Luke Alexander	Beatriz Garcia	Rahul Sen Sharma
Gillea Allison	Lynda Hammes	Leeanne Su
Amy Benziger	Matthew Magenheimer	AJ Twombly
Tripp Callan	Madison Malloch-Brown	Dillon Twombly
Victoria Ergolavou	Peter Martin	Grant Webster
Christina Bache Fidan	Megan McGill	

SENIOR ADVISERS

Former Board Members who maintain an association with Crisis Group, and whose advice and support are called on (to the extent consistent with any other office they may be holding at the time).

Martti Ahtisaari Chairman Emeritus	Jorge Castañeda	Graça Machel
George Mitchell Chairman Emeritus	Naresh Chandra	Jessica T. Mathews
Gareth Evans President Emeritus	Eugene Chien	Barbara McDougall
	Joaquim Alberto Chissano	Matthew McHugh
	Victor Chu	Miklós Németh
	Mong Joon Chung	Christine Ockrent
	Pat Cox	Timothy Ong
Kenneth Adelman	Gianfranco Dell'Alba	Olara Otunnu
Adnan Abu-Odeh	Jacques Delors	Lord (Christopher) Patten
HRH Prince Turki al-Faisal	Alain Destexhe	Shimon Peres
Óscar Arias	Mou-Shih Ding	Victor Pinchuk
Ersin Arıoğlu	Uffe Ellemann-Jensen	Surin Pitsuwan
Richard Armitage	Gernot Erler	Fidel V. Ramos
Diego Arria	Marika Fahlén	
Zainab Bangura	Stanley Fischer	
Shlomo Ben-Ami	Carla Hills	
Christoph Bertram	Swanee Hunt	
Alan Blinken	James V. Kimsey	
Lakhdar Brahimi	Aleksander Kwasniewski	
Zbigniew Brzezinski	Todung Mulya Lubis	
Kim Campbell	Allan J. MacEachen	